

XXXVI г.

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XXXVI

№ 32

Выходит еженедельно (52 № в годъ), съ приложеніемъ 40 книгъ „Сборника“, содерж. соч. М. Е. Салтыкова-Щедрина и А. К. Шеллера-Михайлова, 12 книгъ Литературныхъ и популярно-научныхъ приложений, 12 №№ „Парижскихъ модъ“ и 12 листовъ чертежей и выкроекъ.

1905

Выданъ 13-го августа 1905 г.

Подписная цѣна съ достав. и перес. на 1/2 года 4 р., на 1/4 года 2 р.

Цѣна этого №—15 к., съ перес. 20 к.

Къ этому № прилагается: „Полнаго собранія сочин. А. К. Шеллера-Михайлова“ книга 38.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на „НИВУ“ 1905 г.

Безъ достав-ки въ Петербургъ . . .

6 р. 50 н.

Безъ доставки въ МОСКВѢ въ конторѣ Н. Н. ПЕЧКОВСКОЙ, Петровскія ливніи . . .

7 р. 25 н.

Безъ доставки въ ОДЕССѢ въ кн. маг. „ОБРАЗОВАНИЕ“, Рительевская, 12.

7 р. 50 н.

Съ доставкою въ Петербургъ . . .

7 р. 50 н.

Съ пересылкою во все мѣстности Россіи. . .

8 р.

За границу 12 р.

Подъ бѣлымъ флагомъ. Рисунокъ А. Р. Эберлинга (Весенняя выставка 1905 г.), авт. «Нивы».

Волченокъ.

Повѣсть

П. П. Гнѣдича.

(Окончаніе).

XLVI.

Извѣстіе о томъ, что онъ крещенъ католикомъ, Петръ принялъ совершенно равнодушно. Онъ очень смутно понималъ разницу между Западной и Восточной церковью, несмотря на упорныя объясненія отца, который самъ въ сущности не понималъ, при чемъ тутъ константинопольскій патріархъ, и почему въ Константинополѣ есть патріархъ, когда это турецкій городъ.

Но гораздо серьезнѣе отнесся къ этому Андрей Ивановичъ. Онъ не зналъ, что ему дѣлать: изорвать ли это свидѣтельство генуэзскаго попа, требовать ли перехода Пети въ православіе, или оставить его католикомъ. Если бы Андрей Ивановичъ и всѣ окружающіе его были католики, они ни одной минуты не задумались бы о необходимости привести на лоно ихъ церкви заблудшаго сына. Но основной чертой православія является — терпимость. Для насъ и турокъ, и японцевъ, и негръ, — всѣ Божьи люди, и никого совращать въ свою вѣру никому и въ голову не приходитъ. Андрея Ивановича грызла только та мысль, что сынъ его по упрямству и прихоти жены оказался не православнымъ. Это было, по его мнѣнію, такимъ же безпорядкомъ, какъ если бы на его дверной дощечкѣ гравированная вырѣзанная именная надпись Андрей черезъ н, или если бы у него въ квартирѣ цѣлый мѣсяцъ полотеры не натерали въ столовой паркета.

Еще болѣе его безпокоилъ вопросъ о томъ, что сынъ, повидимому, совсѣмъ не желалъ учиться. По крайней мѣрѣ, на всѣ попытки — приняться за ученіе — онъ отвѣчалъ уклончиво. По цѣлымъ днямъ онъ стоялъ у окна и смотрѣлъ на улицу или ходилъ по комнатамъ. Онъ напоминалъ лисицу, запертую въ клеткѣ. Онъ рвался на просторъ и на воздухъ.

Разъ онъ пришелъ къ Жозефинѣ и молча сѣлъ передъ ней.

— Что съ тобой? — спросила она.

— Тетя, я... я не знаю, что со мной. Я пришелъ спросить у васъ: что мнѣ дѣлать?

— А что ты хочешь, куда тебя тянетъ?

— Меня тянетъ уѣхать, уйти, бросить все.

— Одному?

— Только не съ отцомъ! — быстро сказалъ онъ.

— Ты, можетъ-быть, хочешь найти мать? Это трудно.

Онъ покачалъ головой.

— Нѣтъ. Я ея не знаю, — она меня. Отецъ снялъ фотографію съ ея портрета, что онъ писалъ для меня. Знаете, въ черномъ платьѣ? Она похожа тамъ?

— Да. Она была еще красивѣе, чѣмъ на портретѣ.

— Вы любили ее?

— Да. И она меня любила.

— А вотъ отца она не любила. И я его не люблю, и дома его никто не любитъ.

— Ты знаешь, Петя, онъ теперь рѣзко измѣнился, съ тѣхъ поръ, какъ ты у него. Онъ сталъ жестокимъ и рѣзкимъ съ того дня, какъ ушла отъ него твоя мать. А теперь онъ опять сталъ отзывчивѣе и добрѣе. Если ты уйдешь отъ него, онъ превратится въ волка.

Мальчикъ закрылъ лицо руками.

— Тетя Жозя, — сказалъ онъ: — мнѣ теперь лучше было бы за Черной Лахтой въ нашей деревнѣ возить изъ лѣса дрова, чѣмъ здѣсь лежать подъ шелковымъ одѣяломъ... Я бы лѣтомъ нанялся куда-нибудь на барку...

— Какъ ты похожъ на мать! — сказала Жозя. — Тринадцать лѣтъ назадъ, она, сидя здѣсь на этомъ мѣстѣ, гдѣ ты теперь, говорила тоже, что она скорѣе хотѣла бы быть поденщицей въ Римѣ, чѣмъ здѣсь женой профессора.

— Да, мы похожи! — задумчиво сказалъ мальчикъ, вспоминая ударъ ножомъ въ плечо его воспитателя.

Въ тотъ же день онъ зашелъ къ Троцкому. Онъ и ему повѣдалъ свое горе и спрашивалъ его совѣта.

— Свербить? — засмѣялся тотъ. — Тянетъ вдаль волченка?

— Тянетъ.

— Что же дѣлать? По-моему, совѣтъ тебѣ такой. Отпросись прямо у отца.

— Онъ не отпуститъ.

— Долженъ отпустить. Вѣдь если не отпустить, ты самъ уйдешь?

— Да.

— Такъ ему и скажи. Онъ звалъ меня завтра приходиться къ вамъ, потому что твое рожденіе. Вотъ ты утормъ и скажи ему все на чистоту.

— Сказать? — рѣшительно спросилъ мальчикъ.

— Скажи.

— Дай руку на счастье!

Послѣ безсонной ночи, поблѣднѣвшій, но готовый на все, вошелъ Петръ въ кабинетъ отца.

— Поздравляю тебя, — сказалъ Андрей Ивановичъ, цѣлуя его глаза, лобъ и щеки. — Тебѣ сегодня тринадцать лѣтъ. Что ты хочешь отъ меня, — проси.

Сынъ опустилъ глаза.

— Ну? — торопилъ отецъ.

— Отпусти меня.

— Какъ! — удивился старикъ. — Ты опять за то же?

Сынъ схватилъ его шею.

— Пусти, пусти меня отсюда! — говорилъ онъ, и слезы текли по его щекамъ.

Старикъ оттолкнулъ его.

— Прочь! — крикнулъ онъ. — Наказалъ меня Господь такимъ отродьемъ.

Мальчикъ прислонился къ двери и стоялъ неподвижно.

Отецъ ходилъ изъ угла въ уголъ.

— Что ты хочешь отъ меня? — спросилъ онъ, наконецъ, поднявъ голову.

— Ничего не хочу, — отвѣтилъ мальчикъ.

— Тебѣ здѣсь противно?

Сынъ молчалъ.

— Я тебя спрашиваю.

Черные глаза поднялись на старика.

— Да, противно, — сказалъ онъ.

Отецъ сѣлъ къ столу и опустилъ голову на руки. Такъ прошло нѣсколько минутъ.

— Хорошо, — сказалъ онъ. — Хорошо, ты свободенъ. Дверь открыта, ты можешь идти, куда хочешь. Но отъ меня ты ничего не получишь, какъ только перешагнешь черезъ порогъ моего дома.

— Да мнѣ и не надо, — отвѣтилъ сынъ.

— Хорошо, ты свободенъ! — повторилъ отецъ.

Петя шагнулъ къ нему.

— Не подходи! — сказалъ старикъ. — Это лишнее.

Петя ушелъ къ себѣ. Онъ видѣлъ, какъ отецъ вышелъ на улицу, сѣлъ и поѣхалъ куда-то.

«Не насчетъ ли меня распорядиться», — подумалъ онъ и, быстро одѣвшись, вышелъ изъ подъѣзда. Пройдя нѣсколько шаговъ, онъ остановился.

«Неужели я опять на свободѣ!» — подумалъ онъ.

Онъ повернулъ въ улицу, въ другую, и пошелъ къ тому домику, гдѣ жилъ онъ съ мистеромъ Гибсомъ. Ворота были отворены, и изъ флигеля выносили мебель. Дворничиха обрадовалась, увидя мальчика.

— Ишь, пальто-то какое! — сказала она. — Пройди во флигель, леда тамъ.

Леди испустила радостный крикъ при видѣ Пети.

— Наконецъ!—воскликнула она.—А я завтра ѣду къ мистеру Гиббсу.

— Возьмите меня съ собой,—сказалъ Петя.

— Хорошо, хорошо,—заторопилась она.—А бумаги у тебя есть?

«Опять бумаги!—подумалъ Петя:—какъ они все о бумагахъ говорятъ».

— Нѣтъ, я все еще безпаспортный,—сказалъ онъ.— Если я буду просить паспорта, такъ меня никуда не пустятъ.

— Хорошо,—повторила она.—Я тебѣ дамъ паспортъ. Мнѣ оставилъ его Гиббсъ. Только это надо скорѣй дѣло дѣлать. Ты можешь быть завтра съ утра у меня?

— Могу.

— Хорошо! Вотъ послѣднюю вещь выносятъ. Слушай мой адресъ, запомни и приходи. А теперь иди домой, и будь все время дома.

Онъ вернулся, съ сознаниемъ счастья скорого отъѣзда. Отецъ насмѣшливо улыбнулся, когда онъ проходилъ по залѣ.

— Воротился? А я думалъ, ты ужъ совсѣмъ!

Сынъ ничего не отвѣтилъ. Онъ сказалъ, что нездоровъ, ѣсть не хочетъ, и легъ на постель. Троцкій пришелъ къ нему въ комнату.

— Тамъ твой отецъ опять рветъ и мечетъ. Значитъ, ты все ему сказалъ?

— Все.

— Когда же уходишь?

— Ахъ, я не знаю!—крикнулъ онъ и спряталъ лицо въ подушку. Троцкій постоялъ, посмотрѣлъ и махнулъ рукою.

— Ничего изъ тебя путнаго не выйдетъ,—сказалъ онъ и вышелъ изъ комнаты.

«Завтра, завтра я буду свободенъ!»—мечталъ Петя.

XLVII.

Заграничный поѣздъ подошелъ къ Вержболову. Изъ вагона перваго класса вышла курносая леди. Она была какъ будто полнѣе обыкновеннаго: у нея на груди много было бумагъ и документовъ. Въ Вержболовѣ былъ осмотръ паспортовъ. Она подала два:

— Это мой,—сказала она:—а это моего лакея.

Лакей былъ совсѣмъ мальчикъ, съ черными глазами, одѣтый въ драповое пальто и въ котелокъ. Онъ ѣхалъ въ третьемъ классѣ, и только теперь подошелъ къ своей госпожѣ.

Въ его паспортѣ говорилось, что онъ сынъ берейтора Стефенсона, родившійся въ Петербургѣ и крещеный въ православную вѣру. На паспортъ поставили штемпеля о выѣздѣ.

— Дальше мы поѣдемъ, Стефенсонъ, въ одномъ вагонѣ,—сказала она тихо мальчику:—только бы переѣхать намъ границу.

Какое-то мучительное чувство тоски давило ее. Все ей казалось, что ихъ арестуютъ, и ей не удастся провезти этого чудеснаго мальчика къ Томасу Джерому Гиббсу. Каждый жандармъ, каждый таможенный полицейскій, казался ей, смотря на нихъ подозрительно. Подполковникъ два раза проходилъ мимо Пети и какъ-то особенно внимательно вематривался въ него. Стрѣлки на часахъ ползли медленно, точно время устало двигаться впередъ.

Но вотъ зазвенѣлъ колоколь. Всѣ опять въ вагонахъ. Паспорта всѣмъ возвращаютъ. Еще послѣдній звонокъ, и вагоны тихо двигаются. Они плавно идутъ между желѣзнодорожныхъ строеній и деревьевъ. Вотъ послѣдніе русскіе сторожа, вотъ спускъ внизъ, вотъ рѣчка. Черезъ рѣчку перекинутъ мостъ съ слагбаумомъ. Сейчасъ за рѣчкой аккуратненькія каменные постройки съ черепичными кровлями безъ навѣсовъ, и дорога, по которой пара лошадей въ высокихъ хомутахъ тянетъ длинныя германскія дроги.

Леди свободно вздохнула.

Вагоны остановились. Всѣ высыпали на платформу. Леди совсѣмъ не говоритъ ни слова по-нѣмецки, но это не мѣшаетъ ей предупредительно открыть свой багажъ и повторять по-русски:

— Пожалуйста, пожалуйста, сдѣлайте ваше одолженіе.

Здѣсь уже весна. На германской платформѣ печетъ солнце. Воздухъ живительный, бодрящій. Вдаль убѣгаютъ стальные полосы рельсовъ, къ голубѣющимъ обнаженнымъ лѣсамъ. И тамъ, за этими лѣсами, на морскомъ побережьи, ихъ ждетъ въ Кёнигсбергѣ Томасъ.

Теперь они ходятъ рядомъ. У Стефенсона тоже билетъ перваго класса, и ихъ вещи положены уже въ купѣ. Пассажировъ мало, и всѣ ходятъ по припеку перваго весенняго солнца.

Петя чувствовалъ весну всѣмъ существомъ своимъ. Онъ чувствовалъ, что онъ живетъ, что въ немъ есть силы, что онъ готовъ работать, учиться, помогать другимъ, а главное, что онъ можетъ дышать и быть на свободѣ.

Леди не узнавала его. Въ два мѣсяца Петя точно переродился. Изъ ловкаго лакейченка, онъ превратился въ красиваго, степеннаго юношу. За болѣзнь онъ выросъ, похудѣлъ. Лицо стало вдумчивѣе, грубая обвѣтренность сошла съ кожи. Загрубѣлыя руки стали бѣлы, ноги выровнялись. Никто бы не повѣрилъ, что полгода назадъ этотъ мальчикъ въ опоркахъ на боеу ногу и въ дырявомъ поджаченкѣ пилил дрова гдѣ-то возлѣ Екатерингофа, на маленькой приморской биржѣ. Порода и кровь несомнѣнно сказывались въ его движеніяхъ, особенно въ походкѣ, свойственной болѣе южнымъ национальностямъ, чѣмъ сѣвернымъ.

— Да,—говорила леди, когда они усѣлись въ купѣ, поѣздъ тронулся безъ звонка и полетѣлъ, какъ птица, по плоской равнинѣ.—Да, судьбу человека никогда никто не знаетъ и не можетъ опредѣлить. Только Господь Богъ все видитъ съ неба, и мы постоянно должны благодарить Его за тѣ милости, что Онъ намъ посылаетъ. Не далѣе, какъ часъ назадъ, насъ съ тобой могло арестовать русское правительство; тебя—за то, что у тебя чужой паспортъ, меня—за то, что я возу очень секретныя бумаги. Но Богъ не допустилъ этого. Онъ хотѣлъ, чтобы именно случилось такъ, какъ случилось, и мы безсильны къ тому, чтобы помѣшать велѣніямъ рока. Жизнь—вездѣ жизнь. Но только вездѣ надо исполнять свято свой долгъ.

— Леди,—сказалъ, запинаясь, мальчикъ:—мнѣ хочется у васъ спросить одну вещь, вы не разсердитесь?

— Нѣтъ, мой мальчикъ, спрашивай, что хочешь!

— Тѣ, чѣмъ занимался мистеръ Гиббсъ, это, быть-можетъ, и хорошо для его родины, но хорошо ли это для русскихъ?

Краска слегка заиграла на лицѣ леди.

— Конечно, для русскихъ это не хорошо,—сказала она.—Но вѣдь ты слышалъ, что всѣ націи воюютъ другъ противъ друга. Война не только заключается въ томъ, чтобы идти и убивать другъ друга, но и въ томъ, чтобы устрашать другъ друга войной. Часто строятъ огромныя корабли, оснащаютъ ихъ дорогими пушками, затрачиваютъ на нихъ миліоны рублей, а между тѣмъ эти корабли никогда не ходятъ въ сраженія, и отъ старости лѣтъ доживаютъ свой вѣкъ въ гавани. Они только устрашаютъ другихъ. Мистеръ Гиббсъ отчетливо и быстро можетъ снимать карты. Онъ снялъ множество самыхъ секретныхъ картъ въ разныхъ мѣстахъ земного шара. Его за это зовутъ шпиономъ. Но онъ смѣется надъ этимъ. Онъ говоритъ: войны нѣтъ, и, быть-можетъ, никогда не будетъ. Иностранцы не даютъ намъ вѣрныхъ картъ своей страны, а мы хотимъ ихъ имѣть. И онъ отважно идетъ и снимаетъ ихъ. Въ чемъ же тутъ шпионство, ради Бога?

Петя нахмурился.

— Но вѣдь я ему помогать... Онъ дѣлалъ промѣрку дна?

— Вот видишь ли, — сказала леди. — И съ этой стороны мистеръ Гиббсъ дѣйствовалъ строго-опредѣленно. Онъ потребовалъ отъ Елифанова, чтобъ онъ привелъ не русскаго мальчика. Слышишь ты, — не русскаго. Елифановъ

— Моя мать итальянка, — сказала Петя.

Онъ порылся на груди и вытащилъ бумажникъ, подаренный ему его отцомъ. Тамъ была сдѣлана фотографія съ ея портрета въ черномъ платьѣ.

— О! — воскликнула англичанка. — Она хороша, какъ ангелъ! Гдѣ же она?

Онъ пожалъ плечами.

— Я не знаю.

— Да, — задумчиво сказала леди: — эти ангелы часто по отношенію своихъ дѣтей бываютъ дьяволами.

Разговоръ этотъ какъ будто нѣсколько успокоилъ Петю. Но все же онъ не чувствовалъ уже прежняго обаянія по отношенію Гиббса.

— А гдѣ мы съ нимъ встрѣтимся? — спросилъ онъ.

— Я думаю, въ Кёнигсбергѣ, черезъ какіе-нибудь два часа. Если же его тамъ нѣтъ, поѣдемъ въ Диршау.

Но имъ не пришлось сойти ни тамъ, ни тутъ.

Когда поѣздъ подошелъ къ старому городу, съ его черной колокольней, леди стала искать глазами Гиббса.

Но къ окну вагона подошелъ какой-то блѣлокурый молодой человекъ и назвалъ миссъ по имени.

— Я слушаю, — насторожилась она.

— Поѣзжайте прямо въ Амстердамъ, — сказалъ онъ по-англійски. — Здѣсь нельзя было ему оставаться ни минуты. Тамъ, въ Amstel-Hotel, вы получите дальнѣйшее указаніе.

Онъ приложился къ полямъ шляпы и, не обращая вниманія на ея восклицанія, исчезъ въ шнырявшей толпѣ носильщиковъ, продавцовъ газетъ и пирожныхъ.

— Значитъ, мы ѣдемъ въ Голландію, — сказала она Петру.

— Это далеко? — освѣдомился онъ.

Она вытащила изъ сака географическую карту и мгновенно вступила въ отправление своей должности гувернантки. Толково, быстро стала она сыпать не только названіями городовъ и государствъ, указывая шпилькой, гдѣ и какія проходятъ границы, но отчетливо объясняя, сколько квадратныхъ миль какая область содержитъ, что для Петра было уже совершенно не нужно. Къ вечеру, когда поѣздъ подходилъ къ Берлину, и въ вагонахъ зажгли газъ, Петя весьма основательно зналъ Европу, особенно Геную и Римъ.

Въ то время по Европѣ еще не летали express'ы съ отдѣльными помѣщеніями для каждаго пассажира, съ электрическимъ освѣщеніемъ, умывальниками съ теплой водой, съ буфетомъ-столовой, и съ остановками по одной минутѣ на станціяхъ. Тогда нельзя было, какъ теперь, въ сорокъ восемь часовъ донмчаться отъ Петербурга до Парижа, пообѣдавъ въ день отъѣзда дома, а на послѣзавтра — въ гостиницѣ Парижа. И поэтому леди пришлось остановиться въ Берлинѣ. Великолѣпныя двѣ комнаты отеля, кровати съ балдахинами — заставили Петю спросить:

— Вамъ нужны мои деньги, леди?

Она засмѣялась.

— Нѣтъ, — сказала она. — Мистеръ Гиббсъ просилъ меня положить на твое имя тысячу рублей и тратить на тебя, что будетъ нужно. Такъ какъ твои родственники отказались отъ принятія этихъ денегъ, то онъ остался у меня, и ты на нихъ будешь жить до того времени, пока мы не встрѣтимся съ Гиббсомъ.

Похороны. Картина А. А. Брѣхури (Весенняя выставка въ Академіи Художествъ), авт. «Нивы».

пришелъ и сказалъ: «Я кашель цыгана, русскихъ такихъ черныхъ не бываетъ». И мистеръ былъ увѣренъ, что ты не русскій. Я бы сказала, глядя на тебя, что ты испанецъ.

XLVIII.

На другой день в полдень они выехали в Амстердам. Утром леди успела сбегать в какой-то книжный магазин на Фридрих-Штрассе и купить несколько русских книг.

— Это в подарок русским друзьям, когда вернусь из-за границы, — сказала она.

Опять потянулся целый день в вагоне. Петя смотрел в окно, и видел огромные заводы, высокие трубы, красное пламя колоссальных печей. Целые черные горы каменного угля лежали вокруг потемневших от копоти кирпичных зданий. Цепи, краны, подъемные мосты, ворота, — все это звенело, визжало, скрипело, двигалось. Белые клубы пара выбрасывались то там, то тут из труб паровозов и застилали муравьиную работу всюду копошившихся людей. Казалось, они провзжали какими-то адскими воротами, где среди котловь черти готовили для мучеников пытки.

— Всюду работает человек! всюду его божественный разум изобретает, создает, творит! — восхищалась леди.

— А чѣм они дышат? — спросил Петя.

— Тем, чѣм им дала дышать судьба, — ответила леди. — Одни — горячим воздухом горна; другие — копотью из труб; третьи — смрадом углей. У всех свой крест.

В Амстердам они приехали к ночи. Они сверху спустились вниз, на площадь, и поехали в указанный отель. Швейцарь сказал, что помещение есть и что есть на имя леди телеграмма. В телеграмме сказано: «Поезд десять утра Гаарлемь. Жду обоих».

«А Гиббс чего-то боится», — подумал Петя.

— Он не хочет безплодно рисковать, — как бы в ответ на его мысль сказала англичанка.

Быть сфренкй влажный, чисто голландскй денек, когда вагоны остановились у Гаарлемской стан-

Послѣ побѣды Игоря Святославича съ половцами. Картина В. М. Васнецова, авт. «Нивы».

ци. Гиббсъ ждалъ ихъ, но его нельзя было узнать сразу. Онъ былъ въ очкахъ. У него отросли усы и жиденькая бородка. Онъ былъ гладко причесанъ, съ боковымъ пробормомъ, который онъ тотчасъ же показалъ имъ, вѣжливо приподнявъ шляпу. И покрывъ платья былъ не прежній: на немъ было длинное сѣрое пальто, онъ былъ въ красныхъ перчаткахъ, и скорѣе походилъ на чеха-учителя, чѣмъ на англичанина или американца.

— О, какъ вы измѣнились!—воскликнула леди.

— Жизнь заставляетъ мѣняться людей,—сказалъ онъ, цѣлуя ея руку.

— Здравствуй!—сказалъ онъ Петѣ и, притянувъ, поцѣловалъ его:—здравствуй, мой дорогой, хорошей другъ.

Петя поцѣловалъ его искренно и крѣпко.

— Въ чемъ дѣло? въ чемъ дѣло?—не отставала леди.

— А вотъ поѣдемъ, тамъ все узнаете.

Они сѣли въ коляску. Кучеръ проѣхалъ по двумъ-тремъ чистенькимъ, веселымъ улицамъ, выѣхалъ на площадь съ средневѣковымъ зданіемъ городской бойни, сдѣлалъ еще два-три заворота и очутился среди гигантскихъ плантацій тюльпановъ.

— Я живу тутъ неподалеку, по дорогѣ въ Лейденъ, въ коттеджъ одного моего пріятеля, котораго теперь нѣтъ здѣсь,—сказалъ Томасъ.—Мы вообще можемъ здѣсь безбоязненно говорить по-русски, потому что этого языка никто не понимаетъ.

— Отчего же вы не въ Кёнигсбергѣ?

Лицо Томаса скривилось въ улыбку.

— Потому что каждый искагель приключеній, охотящійся на львовъ или слоновъ—отважный путешественникъ; потому что, кто входитъ на Попокатепетль или Давалагири—тотъ великій изслѣдователь. А тотъ, кто даетъ правильныя карты съ точными промѣрами дна—тотъ шпионъ. Въ Германіи я оставаться не могъ, такъ какъ рисковалъ слишкомъ многимъ. Изъ-за меня чуть ли не начались дипломатическія сношенія между дружественными державами.

— Ну, и какъ же вы теперь?

— Мнѣ предложено сложить руки и года на три сдѣлать передышку, чтобы успокоились эти крики. Надо, чтобы забыли и меня, и мою дѣятельность.

— И гдѣ же вы будете?—спросила леди.

— Да, вѣроятно, здѣсь.

Черезъ полчаса они были въ небольшомъ загородномъ домѣ, утонувшемъ среди высокаго густого, теперь еще безлиственнаго парка. Ихъ ждалъ завтракъ. Прислуживали старые сѣдые лакеи въ башмакахъ.

— Что же вы будете здѣсь дѣлать, Томасъ?—спросила она.

— Я здѣсь Джеромъ,—понравилъ онъ.

— Отъ этого мои чувства симпатіи къ вамъ не измѣнятся,—сказала она.

Онъ почтительно наклонилъ голову.

— Я буду здѣсь приводить въ порядокъ свои работы прежнихъ лѣтъ,—сказалъ онъ.—Дальше парка я и выходить нигуда не буду.

Петя печально посмотрѣлъ въ окно, за которымъ едва зеленѣли первые побѣги.

— Мой молодой другъ будетъ мнѣ помогать въ работахъ,—ласково сказалъ Джеромъ.

Петя ничего не отвѣтилъ.

Ему отвели наверху маленькую комнату. Изъ окна онъ видѣлъ прямую аллею, каналъ и плоскую равнину, гдѣ мельницы медленно вращали свои крылья. Онъ видѣлъ, какъ мистеръ Джеромъ и леди вышли въ садъ и долго ходили по аллеѣ. Онъ сидѣлъ у окна, и думалъ о томъ, что осталось въ Петербургѣ. Передъ нимъ все время вставалъ образъ его отца, съ неизмѣнною ласково обращававшегося въ послѣднее время къ нему. Прежній суровый Андрей Ивановичъ какъ-то заслонялся этимъ новымъ спокойнымъ и тихимъ образомъ.

И тутъ явилось совершенно новое представленіе о

Гиббсѣ. Онъ любилъ этого бритаго подвижного человѣчка, похожаго на морского волка. Здѣсь—это былъ элегантно одѣтый господинъ, съ некрасивымъ, обросшимъ лицомъ, съ усталыми, вялыми движеніями. Ему даже казалось, что онъ не радъ ни ему, ни леди, а встрѣтилъ ихъ только потому, что такъ было условлено между ними.

Къ обѣду, на протяжные, воюющіе звуки гонга, сошлись все съ разныхъ сторонъ. У леди глаза были красны, точно она плакала. Джеромъ былъ молчаливъ, смотрѣлъ въ тарелку и изрѣдка сдвигалъ брови. Послѣ обѣда все сѣли у огромнаго каминна. Пришли откуда-то двѣ громадныя датскія собаки и тоже сѣли противъ огня.

— А вы больше не варите на вашей бензинкѣ?—спросилъ Петя.

Джеромъ печально улыбнулся.

— Нѣтъ,—сказалъ онъ.

— Отчего же? Это такъ было весело.

— А что же тогда дѣлали бы здѣсь повара и лакеи?—спросилъ онъ.—Ихъ здѣсь счетовъ одиннадцать. Долженъ же я имъ дать какое-нибудь занятіе.

Онъ курилъ сигары, и ихъ благовонный дымъ стлался синими волнами въ воздухъ.

— А что, если я куплю это имѣніе?—сказалъ Гиббсъ.

— Зачѣмъ же здѣсь?—возразила леди.—Купите лучше возлѣ Лондона.

— Зачѣмъ же возлѣ Лондона!—стоялъ на своемъ мистеръ.—Здѣсь такая тишина, какой я нигдѣ не видывалъ.

День кончился вяло, пошелъ сѣрый дождикъ. Петя спалъ тяжелымъ, неровнымъ сномъ. Въ восемь часовъ утра къ нему въ дверь постучали, и ломанымъ русскимъ языкомъ молодой лакей сказалъ:

— Мистеръ проситъ внизъ.

Онъ спустился. Въ столовой былъ сервированъ русскій чай. День былъ солнечный, яркій. Джеромъ казался искусственно возбужденнымъ.

— Я сейчасъ вамъ буду показывать хозяйство,—говорилъ онъ.—Я покажу вамъ выгоны.

И они пошли по сухимъ аллеямъ куда-то вдаль. Вышли изъ воротъ парка, гдѣ старый садовникъ почтительно снялъ передъ ними шляпу. Поле было покрыто изумрудной, сочной травой. Огромныя жирныя коровы на короткихъ ногахъ, съ маленькими головами, еле двигались, пережевывая жвачку. На каждой изъ нихъ была попона и на попонахъ была баронская корона и буква S.

— А гдѣ же пастухъ?—освѣдомился Петя.

— Пастуховъ въ Голландіи нѣтъ,—отвѣтилъ ему Гиббсъ.—Коровѣ некуда уйти, да и лѣнива она для этого. Потомъ посмотрѣли такихъ же жирныхъ свиней и барановъ. И эти были въ попонахъ съ гербами.

Далѣе шла небольшая тюльпанная плантація. Устроеніи лежали огромныя горы вырванныхъ изъ земли гиацинтовъ, которымъ сезонъ уже отошелъ. Перепрѣлый, пряный ихъ ароматъ густо стоялъ въ тихомъ влажномъ воздухѣ.

— Какъ тяжело здѣсь дышать,—сказала леди.

— Да,—протяжно отвѣтилъ ей мистеръ.

На обратномъ пути опять все молчали. Что-то тяжелое, грустное висѣло въ воздухѣ. При входѣ въ домъ мистеръ дотронулся до руки Пети.

— Ты пройдеши ко мнѣ,—сказалъ онъ.

Въ небольшомъ кабинетѣ изъ стараго дуба, мистеръ сѣлъ въ кресла и жестомъ руки предложилъ садиться и Петѣ.

— Слушай,—началъ онъ.—Я взялъ тебя къ себѣ, только какъ юркаго, проворнаго мальчика, бездомнаго, безсемеинаго, безроднаго. Мнѣ нуженъ былъ преданный мнѣ цыганенокъ, который бы помогалъ мнѣ, не сознавая опасности, которой онъ подвергается. Выборъ оказался удаченъ. Болѣе того, въ минуту опасности ты ее понялъ, и не оставилъ меня, а старался чѣмъ можно помочь, этого я никогда не забуду.

Онъ закурилъ неторопясь сигару.

— Я предложилъ тебѣ черезъ миссъ жить со мной,

служить у меня. Обстоятельства твои переменялись: у тебя нашелся отец и, кажется, обезпеченный человек. Вследствие этого я изменяю условия наших дальнейших отношений. Я тебе предлагаю мою дружбу, если нужно—мою помощь, мои средства, если хочешь—совместную жизнь. Я всегда радъ тебя видѣть. Если бы ты пожелалъ учиться, я окружилъ бы тебя всѣмъ возможнымъ для того, чтобы ты зналъ все, что нужно для практической жизни. Если бы ты хотѣлъ заняться какимъ-нибудь дѣломъ, конечно, подготовившись къ нему, я дамъ тебѣ нужный капиталъ.

Онъ остановился.

— Но взять тебя, какъ товарища, для моихъ дальнѣйшихъ экскурсій, теперь, когда ты уже не бездомный бродяга, я не могу. Съ тобой я уже буду стѣсняться. Ты уже не прежній волченочекъ, а мнѣ именно это и было въ тебѣ дорого. Я знаю, ты меня не предашь, не обманешь, но сочувствовать мнѣ, и сочувствовать беззавѣтно, ты не будешь.

Петя молчалъ. Онъ чувствовалъ, что внутри его все дрожало, что разлетаются прахомъ тѣ мечты, которыя онъ лелѣялъ послѣдніе два мѣсяца.

— Я тебя ни въ чемъ не стѣсняю,—продолжалъ мистеръ Джеромъ.—Ты можешь жить здѣсь, уѣзжать къ отцу и къ дядѣ, возвращаться, я всегда встрѣчу тебя съ распростертыми объятіями. Я могу тебя сдѣлать морякомъ, техникомъ—чѣмъ хочешь, всѣ дороги для тебя открыты. Я тебѣ даю недѣлю сроку. Въ эту недѣлю ты долженъ обдумать внимательно, со всѣхъ сторонъ, что я тебѣ сказалъ. Чтобы занять чѣмъ-нибудь тебя съ внѣшней стороны, я выучу теперь тебя ѣздить на велосипедѣ. Ты на прогулкахъ будешь обдумывать о томъ, что я сказалъ.

Петя всталъ, чтобы идти.

— И еще,—прибавилъ Гиббсъ.—Не совѣтуйся объ этомъ съ леди: она увлекающаяся женщина, и видитъ во мнѣ какого-то Веллингтона и Гумбольдта одновременно. Впрочемъ, ты не знаешь, кто такіе были эти мужи. Старайся все рѣшить своимъ собственнымъ умомъ. И помни, что тебѣ надо учиться. Немного поздно, но время еще не ушло. Учись, учись непремѣнно, это тебѣ мой завѣтъ.

Петя, взволнованный, поднялся къ себѣ въ комнату и ходилъ изъ угла въ уголь, пока не раздался злобщій звонъ. Когда онъ входилъ въ столовую, изъ противоположной двери входили подъ руку леди и Гиббсъ.

— Дай мнѣ на минуту тотъ портретъ, что у тебя въ бумажникѣ,—сказала леди.

Онъ вынулъ карточку матери. Она передала ее Гиббсу. Тотъ равнодушно взглянулъ и процѣдилъ по-англійски:

— Знаете, кто это?

— Кто?—насторожилась она.

— Не подавайте повода, что я ее знаю, я буду продолжать тѣмъ же безразличнымъ тономъ. Она одна изъ дамъ общества дипломатическихъ круговъ.

— Не можетъ быть!

— Если я говорю вамъ, слѣдовательно это такъ. Фамилія ея я не помню. Это старый портретъ, но она похожа до сихъ поръ, только стала полнѣе.

Петя внимательно слѣдилъ за выраженіемъ лицъ говорившихъ, но ничего не понималъ.

— Ты похожъ на мать,—сказалъ Гиббсъ, отдавая ему карточку, и, обратясь къ старому лакею, прибавилъ:

— Послѣ супа подадите шампанское.

— Отчего, Джеромъ?—спросила леди.

— А мы выпьемъ за нашу будущую жизнь. А какая она будетъ,—никто не знаетъ.

— Знаетъ только Господь,—прибавила леди.

XLIX.

Изъ Академіи принесли Андрею Ивановичу полученное на его имя заграничное письмо. Адресъ былъ написанъ по-французски: L'Academie Impériale des Beaux arts, штемпель—Болье.

Письмо было написано по-итальянски и подписано буквой I. Вотъ его содержаніе:

«Я прочла ваше объявленіе, и рѣшилась вамъ писать.

«Я виновата передъ вами. Виновата не потому, что покинула васъ,—я вѣдь васъ никогда не любила,—а потому, что отняла у васъ сына, и въ то же время не оставила его у себя. Я не знаю даже, живъ ли нашъ ребенокъ.

«Я и его не любила, хотя бы за одно то, что это вашъ ребенокъ. Когда отъ грозы и бури люди укрываются въ поросшей терновникомъ пещерѣ,—при первой возможности ее покидаютъ. Я, чтобы бѣжать отъ ужасовъ моей семейной жизни, вышла за васъ замужъ. Но когда я убѣдилась, что мое супружеское логовище, кромѣ терновника, ничего изъ себя не представляетъ—я ушла отъ васъ.

«Вы спросите, зачѣмъ это я сдѣлала потихоньку, а не открыто,—вы бы силой меня держать не стали? Да, но вы не отдали бы мнѣ ребенка. А я хотѣла больно досадить вамъ. Мое отвращеніе къ вамъ было какое-то безотчетное. Въ тотъ ужасный вечеръ, когда я ударила васъ ножомъ, я хотѣла васъ убить. И если бы меня сослали, я бы спокойно всю жизнь отбывала наказаніе.

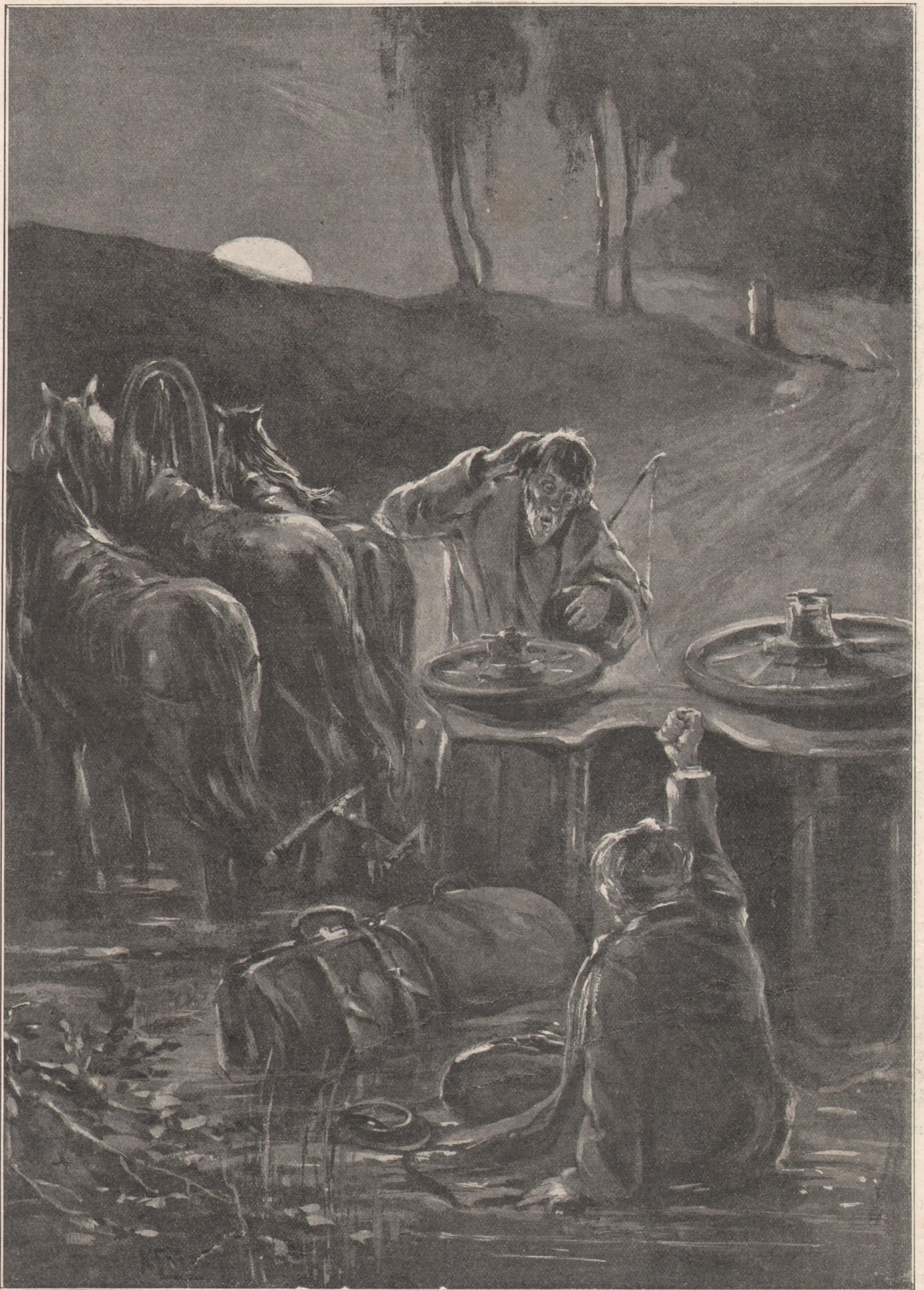
«Что вы мнѣ сдѣлали дурного? Да ничего. Даже скорѣй хорошее, чѣмъ дурное. Конечно, скорѣе вы снизили до меня, женившись на мнѣ, чѣмъ я, выйдя за васъ замужъ. Моя репутація—первой красавицы Рима—едва ли что-нибудь могла принести семейному счастью. Гораздо цѣннѣе она была бы въ любомъ кафе-шантанѣ.

«Ошибка была обоюдная. Но мнѣ хотѣлось на свободу, а вамъ хотѣлось обладать моимъ тѣломъ. О душѣ моей вы никогда не думали. Да я и не знаю, была ли у меня въ то время еще душа. Она еще спала и проснулась гораздо позднѣе.

«Вы поступили честно, женившись на мнѣ. Но, быть-можетъ, было бы лучше, если-бъ вы меня бросили, не женившись. Переменявъ двухъ или трехъ иностранцевъ, я, въ концѣ концовъ, вышла бы замужъ, и мужъ не безпокоился бы моимъ прошлымъ. Но, женившись, вы захотѣли подчеркнуть всю красоту вашего поступка, и стали подчеркивать это ежедневно. Мнѣ стало противно. Мнѣ казалось, что я читала въ вашихъ глазахъ, во время вашихъ ласкъ: «видишь, какой я благородный, честный,—я тебя, несчастную итальянку, сдѣлалъ женой профессора. Ты будешь генеральшей, тебя будутъ звать excellenza».—Когда мы показывались съ вами за городомъ въ коляскѣ, вы очень заботились, чтобы поля моей шляпы не были слишкомъ велики, и она не была бы слишкомъ ярка,—это могло унижить вашу жену и придать ей неприличный видъ.

«Прежде чѣмъ рѣшиться покинуть васъ, я долго и много боролась. Я взвѣсила все, что ждетъ меня въ будущемъ. Холодный, зелено-палевый городъ, съ холодными домами, холодными людьми. Ваше искусство—тоже холодно, разсудочно. А вдобавокъ, у васъ не понимаютъ ни красокъ, ни колорита. Вы, русскіе, лишены чувства палитры, которое мы, итальянцы, носимъ въ душѣ съ рожденія. Можно окрасить въ скверный желтый цвѣтъ фасадъ сквернаго дома, но нельзя въ одинъ желтый цвѣтъ окрасить улицу и полгорода. Нельзя писать картину и не умѣть уловить въ краскахъ той гармоніи, которая не только при солнцѣ, но и въ самый ненастный и промозглый день, проступаетъ передъ глазами наблюдательнаго художника.

«Мнѣ рисовалась дальнѣйшая жизнь у васъ—скупнымъ, сиротливымъ промерзаниемъ цвѣтка на морозѣ. Ваши вялые, сонные товарищи, которые смотрѣли на искусство, какъ на службу или ремесло. Ваши унылыя, какъ улицы, выставки, на которыхъ художники боялись, какъ огня, изображенія обнаженнаго человѣческаго тѣла, быть-можетъ, потому, что у васъ, въ Россіи, нѣтъ хорошей природы. Наконецъ, ваши театры съ безголосыми пѣвцами, ваши оперы, въ которыхъ я слышу больше чу-

Литературный альбомъ. „На почтовой станціи“. Сцена И. Ф. Горбунова. „Кажинный разъ на этомъ мѣстѣ“...
Рисунокъ А. Клементьева, авт. «Нивы».

Охрана колодцевъ на позиціи во избѣжаніе отравленія воды китайцами.

Рисунокъ нашего спеціального корреспондента В. Табурина, авт. «Нивы».

жихъ перепѣвовъ, чѣмъ музыкальности,—все это носило печать такой унылости, подавленности. Я Рима никогда не любила,—онъ мнѣ всегда казался скучной грудой мусора. Но, по сравненію съ казармами Петербурга, и Римъ явился для меня обѣтованнымъ раемъ.

«Но, быть-можетъ, я и осталась бы у васъ ради сына. Вы потребовали, чтобъ онъ не былъ католикомъ. Но какъ же я, его мать, могла научить его молиться не на родномъ языкѣ? Какъ я могла плакать съ нимъ надъ страданіями Христа въ дни страстей, въ чуждомъ для меня храмѣ, гдѣ на непонятномъ языкѣ идетъ непонятное служеніе? Кто же, кромѣ матери, можетъ заложить въ душу ребенка сѣмена христіанской любви? А вы мнѣ именно этого-то и не позволили сдѣлать.

«А тутъ какъ разъ умерла моя крестная, занимавшая ростовщицествомъ. Я сдѣлалась обезпеченной женщиной. Духовникъ мой помогъ, настоявъ на крещеніи ребенка по нашему обряду. Возврата назадъ мнѣ не было.

«Я оставила ребенка въ знакомомъ итальянскомъ семействѣ, состоявшемъ изъ двухъ старыхъ дѣвъ, жившихъ въ Ораніенбаумѣ. Мамку-итальянку взяла съ собой и вернулась въ Геную. Мамка была глупа, не умѣла обращаться съ ребенкомъ, и вы могли скорѣе найти его, если бы я ее оставила въ Россіи. Я купила для него козу и уѣхала, рассчитывая черезъ годъ вернуться, чтобы присмотрѣть за мальчикомъ и взять его съ собою.

«Но судьба распорядилась иначе. Сперва умерла одна итальянка, потомъ другая. Ребенокъ оказался на воспитаніи у какой-то женщины, которая звалась Базиликой, или какъ-то въ этомъ родѣ. Какъ я ни писала въ Ораніенбаумъ,—ничего узнать не могла. Слѣдъ сына затерялся.

«Вотъ тутъ-то я должна была написать вамъ, но я этого не сдѣлала, и въ этомъ вина моя. Въ этомъ я прошу у васъ прощенія.

«Теперь два слова обо мнѣ. Я замужемъ. Я счастлива, хотя дѣтей у меня нѣтъ. Мужъ занимаетъ въ свѣтѣ видное положеніе, но выѣзжаю я мало. При встрѣчѣ, вы бы не узнали меня,—такъ я измѣнилась,—къ лучшему, или худшему—не мнѣ судить. Мнѣ тридцать одинъ годъ,—впереди еще цѣлая длинная жизнь. Мужъ знаетъ, что я двумужница, но не боится этого: дѣло обставлено законно.

«Моя мать давно умерла, вскорѣ послѣ того, какъ Джульетта отъ нея сбѣжала. Джульетта—красавица въ

полномъ смыслѣ слова. Репутація ея не изъ блестящихъ, и у нея настолько такта, что при встрѣчѣ она меня не узнаетъ. Въ прошломъ году, въ Ниццѣ, на праздникѣ цвѣтовъ ея коляска взяла первый призъ. Впрочемъ нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, случайно наши экипажи сдѣшались при выѣздѣ изъ Булонскаго лѣса. И я была одна и она тоже. Она перегнулась ко мнѣ и шепнула по-итальянски:

«— Милочка, душечка, я люблю тебя, люблю. Ты красавица, умница, а я дрянъ, дрянъ, дрянъ!»

«Потомъ она откинулась въ коляску и, прежде чѣмъ я успѣла ей отвѣтить, отъѣхала.

«Пишу вамъ о ней, потому что помню вашу съ ней дружбу.

«Прощайте. Дай Богъ никогда намъ не встрѣчаться. Забудемъ споръ, прежнее, будемъ думать, что это былъ дурной сонъ. I.

«PS. — Вы спрашиваете о колье и перстнѣ. Если вы найдете сына—отдайте это ему: это все, что можетъ ему напомнить мать. Если же сына нашего нѣтъ—дѣлайте съ ними, что хотите. Отдайте бѣднымъ, оставьте у себя.

«PS. bis. — Еще просьба. Если ребенокъ нашелся, пришлите мнѣ одно слово: «да»,—въ Парижъ до востребованія.—Въ этомъ *да* будетъ все, и ваше прощеніе за прошлое, и мое спокойствіе въ будущемъ. Мой адресъ: M-me Innesse».

Прошло еще нѣсколько дней, послѣ полученія этого письма. Андрей Ивановичъ, осунувшійся и посѣдѣвшій, работалъ у себя въ мастерской. Онъ не обратилъ вниманія на далекій звонокъ, на шумъ шаговъ. Во время работы, онъ никого не пускалъ къ себѣ, и даже стучать въ дверь было запрещено, хотя она никогда не запиралась. Но теперь, вопреки его запрещенію, ручка замка повернулась, и на порогѣ показался Петръ.

Кисть выскользнула изъ рукъ старика, и онъ издалъ легкое восклицаніе:

— Какъ, это ты?!

— Да, отецъ,—сказалъ мальчикъ.—Я совсѣмъ пріѣхалъ. Дѣлай со мной, что хочешь...

Въ тотъ же день въ Парижъ была послана телеграмма. Въ ней было только одно слово:

«Да».

КОНЕЦЪ.

Подъ бѣлымъ флагомъ.

1.

Борцы за борцами кровавой чредою
Склоняются къ лону земли...
Но что тамъ—смотрите—надъ дымною мглою
Бѣлѣть и вѣется вдали?

2.

Какъ бѣлая чайка, что крыльями блещетъ
Надъ пѣною бѣры морской,
Тамъ бѣлое знамя, вздымаясь, трепещетъ
Надъ бурей битвы лодской...

3.

То—знамя прощенья... То—знамя молитвы.
Кто держитъ его, тотъ не врагъ!
Въ разгарѣ жестокой, томительной битвы
Оно—примиренія знакъ.

4.

Для тѣхъ, кто въ безумствѣ и жаждѣ отмщенья
Омылъ свои руки въ крови,
Оно—къ человѣчности зовъ и влеченье
И голосъ безсмертной любви.

5.

Оно говоритъ имъ:—Пусть смолкнуть проклятыя.
Довольно разить и страдать!
Довольно отнынѣ вамъ, гордые братья,
Врагами друзей своихъ звать!

6.

Въ порывѣ великомъ, прекрасномъ и смѣломъ
Спѣшите съ лобзаніемъ къ нимъ—
Къ идущимъ навстрѣчу подъ знаменемъ бѣлымъ,
Страдающимъ братьямъ своимъ!

Георгій Аркатовъ.

На войнѣ.

(Отъ нашего спеціального корреспондента).

Настроеніе.

На позиціяхъ давно уже не слышно орудейной стрѣльбы. Жизнь идетъ равномерно и спокойно, какъ въ мирное время. Люди днемъ работаютъ по урѣдленію позицій, роютъ окопы, волчи ямы, ставятъ проволочныя загражденія, засѣвки. Всякихъ искусственныхъ

препятствій нагромождено такое множество, что въ нихъ не только японецъ, а и самъ чортъ ногу сломить.

Окончивъ дневныя работы, люди, до переклички, предаются безмятежному отдыху, власть наливаются чайкомъ, буквально власть, потому что на cadaго солдата ежедневно полагается по 8 кус-

ковъ сахару. По крайней мѣрѣ, я это наблюдалъ въ 6 корпусѣ генерала Соболева, гдѣ имѣлъ пріютъ въ послѣднее время. Иногда по вечерамъ солдаты затѣваютъ игру въ трещотку. Ихъ громкій хохотъ привлекаетъ къ мѣсту игры офицеровъ, и въ результатъ и начальство, и солдаты, и дѣйствующія лица получаютъ полное удовольствіе.

Можетъ-быть, многіе не знаютъ этой игры. Въ предыдущемъ номерѣ помѣщены снимки двухъ моментовъ этой игры.

Въ землѣ вбитъ колышекъ, отъ котораго идуть двѣ одинаковой длины веревки. За концы веревокъ держатся двое участниковъ, которымъ завязываютъ глаза, и въ руки даютъ одному жгутъ, а другому трещотку. «Музыкантъ», какъ его называютъ солдаты, начинаетъ «играть» на своей трещоткѣ, стараясь улизнуть отъ невидимаго врага, котораго онъ привлекаетъ своей трещоткой. Позы и движенія у нихъ получаются самыя нелѣпыя. Жгутъ большею частью хлещетъ по воздуху, но случается, что противники, осторожно ступая по землѣ, ступаются лбами. Если держащій жгутъ, ударивъ противника, не успеетъ отскочить, то музыкантъ старается его отнять. Это ему, однако, не удается, потому что жгутъ сейчасъ же отбрасывается въ сторону, и тогда оба на четверенькахъ начинаютъ его отыскивать. Стуканье лбами тутъ уже случается вѣтъ программы, потому что главная задача найти жгутъ. Если кто-нибудь, наконецъ, его находитъ, то начинаетъ уже отыскивать противника, который, не зная этого, продолжаетъ на четверенькахъ энергично обшаривать землю, но, получивъ ударъ, старается схватить другого за ноги или встаетъ и получаетъ отъ зрителей трещотку, если имѣлъ раньше жгутъ и т. д. до наступ-

ленія темноты, когда не только участники съ завязанными глазами, но и зрители перестаютъ что-нибудь видѣть.

Играютъ зорю, и на позиціяхъ наступаетъ тишина, если не считать грандіознаго концерта манчжурскихъ лягушекъ, которыя своимъ кваканьемъ напоминаютъ крики коростеля и своею музыкальностью далеко превосходятъ своихъ европейскихъ сородичей. У насъ ихъ называютъ «манчжурскими соловьями». Кромѣ нихъ тишина манчжурской ночи нарушается убійственными криками влючныхъ ословъ, которые имѣются въ каждой части. Къ ихъ раздрающимъ душу рыданіямъ нужно привыкнуть. Замѣательно, что крики ословъ повторяются опредѣленно и точно черезъ каждыя полчаса, и при этомъ ровно въ полный часъ и въ половину каждаго часа.

При изрядномъ количествѣ свободнаго времени у офицеровъ, это обстоятельство даетъ матеріалъ для научныхъ наблюденій и, кромѣ того, имѣетъ практическое примѣненіе. По крику осла ставить часы. Если минутная стрѣлка не дошла или перешла какой-нибудь полный часъ или полчаса, то ее сейчасъ же ставятъ на мѣсто, смотря по тому, куда она стоитъ ближе. Относительно положенія часовой стрѣлки осла не даютъ никакихъ указаній. Но зато минутная стрѣлка у всѣхъ показываетъ или полный часъ, или полчаса. Въ этомъ отношеніи всѣ часы на позиціи имѣютъ точность. Такъ, напримѣръ, если у одного изъ офицеровъ ровно двѣнадцать (въ это время непременно кричатъ осла), то у другого—ровно половина десятого—минута въ минуту, а у третьяго—ровно два.

Кромѣ этихъ видовъ мѣстныхъ обывателей на передовыхъ по-

Командиръ тарусскаго полка съ георгіевскими кавалерами 1-го батальона. По фот. нашего спеціального корреспондента В. Табурина, авт. «Нивы».

Засѣданіе военно-слѣдственной коммисіи съ участіемъ китайскихъ представителей, подъ предсѣдательствомъ генераль-маіора Н. А. Василевскаго, по дѣлу объ убійствѣ хунхузами подполковника Богданова. Справа сидитъ китайскій прокуроръ. Сзади стоятъ переводчики. Обвинялись тридцать три человѣка. Четырнадцать были признаны виновными и присуждены къ смертной казни. По фот. авт. «Нивы».

大步靈

Будущій громадянинъ китайской имперіи. Рисунокъ нашего спеціального корреспондента В. Табурина, авт. «Нивы».

Ея Высочество Великая
Княгиня Ольга Александровна.

Ея Высочество Великая
Княгиня Ксенія Александровна.

Ея Величество Государыня
Императрица Марія Теодоровна.

Эвакуационный Ея Величества Государыни Императрицы Маріи Теодоровны лазаретъ въ Гатчинѣ. По фот. Д. Сахновскаго, авт. «Нивы».

зицяхъ другихъ не замѣчается. Китайцы отсутствуют. Они какъ сквозь землю провалились. Жить на позиціи имъ не разрѣшается. Фанзы деревень или заняты частями войскъ, или стоятъ пустыми. Забирая съ собою на арбахъ кое-что изъ предметовъ первой необходимости, они, однако, оставляютъ незапертые на замокъ сундуки съ различными вещами, какъ, напр., одеждой, посудой и нѣ-

которыми предметами скромной китайской роскоши. Наивные «ходи», которыхъ считаютъ нашими врагами и которымъ окончательно рѣшено не вѣрить, сами еще не научились не вѣрить намъ. Хорошо, если оставленная фанза будетъ занята офицерами—тогда всѣ вещи будутъ неприкосновенны, до известной степени, конечно. Такъ, напримѣръ, если красный, лаковый, китайскій

Маринскій пріютъ для ампутированныхъ и увѣчныхъ воиновъ въ Петербургѣ. Раненые, прибывшіе съ театра войны. По фот. Н. Ольшанскаго, авт. «Нивы».

столь или оригинальное стильное кресло (такой, кстати сказать, богатой сравнительно обстановки никогда не видала и едва ли скоро увидит русская деревня) понравятся кому-либо из офицеров, то при перемене позиций оно навёрно тоже переменит позицию, пока за негодностью не будет брошено на полях Манчжурии. Осуждать никого за это нельзя. На то война.

Платить деньги за владение фанзой, за её разгром самим воинским частям даже при желании невозможно.

Является китаец и требует деньги за разрушенную фанзу. Солдат говорит ему несколько ласковых слов, деликатно берет за косяк и, спросив, с какой стороны он явился, туда же его и направляет. Этим коммерческие переговоры и заканчиваются. И весьма естественно: кто он? Откуда он? Где у него доказательство, что он хозяин фанзы? Живет он без прописки, владеет землей без документов, ведет торговлю на честное слово. Таков уж обычай в Китае. Паспорта или удостоверения личности он представить не может, а потому с ним и разговоры коротки.

На основании этого каждая фанза, брошенная жителями, представляется из себя имущество, неизвестно кому принадлежащее.

Приходит к офицерам солдат и говорит:

— Ваше высокоблагородие, там у оврага стоит фанза безо всяких последствий. Разрешите сломать.

— Смотрите, только людей не подавите,—отвечает офицер, и фанза идет на дрова.

Пока солдат сыт и ни в чем не терпит недостатка, состояние его духа очень хорошее. А на эту сторону дѣла пожаловаться нельзя.

Мнѣ часто приходится пробовать пищу прямо из котла походной кухни, а иной раз этой пробой даже основательно пообѣдать. Такія щи съ хорошим наваромъ съ кускомъ хорошаго мяса имѣть за своимъ столомъ не всякій титулярный совѣтникъ въ Петербургѣ. На второе бывасть каша съ масломъ, иногда гречневая, иногда рисовая, а въ послѣднее время солдаты очень привыкли къ китайской крупѣ «чумиза», изъ которой каша очень похожа на нашу пшеничную.

Состояніе духа солдата зависит не отъ его взглядовъ на положеніе вещей, а отъ его обиходныхъ условий и... отъ умѣнья командира части давать тонъ и настроеніе въ средѣ своихъ подчиненныхъ.

Теперь я живу на позиціи 6-го корпуса въ тарусскомъ полку. Названіе новое, онъ только что сформированъ въ теченіе кампаніи. Полкъ не имѣетъ ни исторіи, ни традицій, между тѣмъ рѣдкій полкъ можетъ похвалиться такой сплоченностью и тѣмъ, что въ телеграммахъ въ Россію корреспонденты называютъ «прекрасный духъ». Чѣмъ это достигается—сказать трудно. Никакихъ опредѣленныхъ правилъ на это не существуетъ. Одними уставами этого достигнуть нельзя. Я думаю, что я не ошибусь, если скажу, что все зависитъ отъ личности командира. «Каковъ полкъ, таковъ и приходъ». Если вы спросите у исправнаго хозяина, отчего у него порядокъ и все въ хозяйствѣ такъ ловко налажено, онъ навѣрно не сумѣетъ вамъ этого объяснить, а только скажетъ, пожавъ плечами, «потому что я такъ хочу, и этого добиваюсь».

Въ военномъ быту вышеприведенная пословица имѣетъ наибольшее значеніе при той громадной власти, которую пользуется военный начальникъ; все зависитъ лишь отъ умѣнья ею пользоваться. Перефразируя пословицу, можно бы сказать: «каковъ полковникъ, таковъ и полкъ»...

Поэтому тысячи разъ ошибались тѣ, которые въ сужденіяхъ о нашихъ военныхъ операціяхъ за грѣхи начальниковъ обвиняли подчиненныхъ. Выгораживали начальство и со словъ этого же начальства говорили—«исполнители плохи».

Я видѣлъ части, гдѣ, имѣя почву, растутъ интриги. Какой-нибудь поручикъ адъютантъ, вмѣсто того, чтобы быть секретаремъ командира, играетъ активную роль. Штабъ-офицеры часто даже побавляются его, потому что онъ имѣетъ вліяніе на командира. Неужели же виноватъ этотъ коварный поручикъ, а не командиръ, который однимъ энергичнымъ словомъ можетъ сократить его, но не умѣетъ пользоваться своею властью.

Современная война дала намъ очень крупный и поучительный примѣръ въ этомъ родѣ.

Но перейду опять къ «настроению». Проживъ въ тарусскомъ полку больше мѣсяца, могу, положа руку на сердце, сказать, что настроеніе чудное. И не потому, что солдаты на вопросъ начальника бригады или дивизіи:

— «Что, ребята, будемъ бить японцевъ?»

Отвѣчаютъ:

— «Такъ точно, будемъ!»

Смѣшно и думать, что они отвѣтятъ:

— «Никакъ нѣтъ, не будемъ! Пушай живуть!..»

А совсѣмъ по другимъ причинамъ.

Одна изъ многочисленныхъ причинъ состоитъ въ томъ, что солдаты намъ не даютъ спать.

Мы съ командиромъ полка занимаемъ одну сторону фанзы и спимъ на одномъ канѣ. Иногда послѣ обѣда, изнеможенные паровой баней, называемой манчжурскимъ лѣтомъ, мы приляжемъ вздремнуть, но вдругъ изъ-за бумажныхъ оконъ послышится солдатская гвѣня—ну, тутъ ужъ, конечно, не до сна.

Надо сказать, что въ нашей фанзѣ мухъ больше, чѣмъ въ любомъ провинціальномъ городѣ, въ Россіи. Онѣ забиваются подъ простыню, лѣзутъ въ ротъ, въ носъ, въ уши и заставляють бро-

сить всякія мысли о снѣ и заниматься только съ ними. Теперь въ періодъ затишья на позиціяхъ у насъ вмѣсто японцевъ воюють съ мухами. Для этого выработался спеціальнй способъ. Начальство выходитъ изъ фанзы, а денщики идутъ въ атаку. Всѣ стани опускаются (у китайцевъ онѣ находятся внутри фанзы), а дверь оставляется открытой. Денщики, вооруженные полотенцами, начинаютъ неистово ими махать, нѣкоторые даже прикрикивають: «по-

Эвакуаціонный Ея Величества Государыни Императрицы Маріи Феодоровны лазаретъ въ Гатчинѣ. Ея Императорское Величество, Ихъ Императорскіе Высочества Великія Княгини Ксенія и Ольга Александровны, врачебный персоналъ лазарета и находящіеся на излѣченіи. По фот. Д. Сахловскаго, авт. «Нивы».

шелъ! пошелъ! чортъ!..» Наконецъ, минутъ черезъ 10 одинъ изъ денщиковъ, вытирая со лба потъ, объявляетъ командиру, что неприятель отступилъ въ безпорядкѣ. Мы входимъ въ темную фанзу, ошущью отыскиваемъ свои койки и ложимся.

При такихъ условіяхъ вздремнуть очень удобно, но вотъ за стѣной раздаются голоса:

Сторонись! По дорогѣ той

Иѣшій, конный не пройдетъ живой!..

Это поют ординарцы.

Командиръ поворачиваетъ ко мнѣ голову и говоритъ:

— Значитъ, мой ребята сыты и довольны... если поють. Опш вась не беспокоятъ?

Изъ тона его голоса рѣшаю, каковъ долженъ быть мой отвѣтъ.

— Нисколько...

— Я люблю, когда они поють. И можно ли мѣшать человѣку пѣть, когда ему поется. Значитъ у него легко на душѣ... Пускай поють... Я люблю засыпать подь ихъ пѣсню...

Но я знаю, что онъ не спитъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ опять обращается ко мнѣ:

— Если они вамъ мѣшаютъ, то я прикажу поставить для вась палатку... гдѣ-нибудь въ полѣ... выберите себѣ мѣсто...

Я не скрываю, что этимъ предложеніемъ я очень доволенъ.

Въ другомъ углу фанзы адъютантъ начинаетъ храпѣть, а командиру, который такъ любитъ засыпать подь солдатскую пѣсню, все-таки, не спитъ.

— Надо будетъ моимъ ребятамъ оборудовать новыя фуражки, — говоритъ онъ въ полголоса: — старыя ни на что не похожи. Штаны у нихъ есть, рубахи также... Непременно нужно фуражки...

Черезъ полчаса я, все-таки, засыпаю, а когда просыпаюсь, то командира уже нѣтъ — онъ ушелъ пышкомъ обходить позиціи своего полка, а это въ общей сложности нѣсколько верстъ. Къ вечеру онъ возвращается и садится на табуреткѣ передъ фанзой. Тутъ же подсаживаются живущіе здѣсь офицеры и приходятъ изъ другихъ батальоновъ. Въ канцеляріи полка, на этомъ же дворѣ, приходятъ одинъ за другимъ солдаты и сдаютъ письма. Нѣкоторые приходятъ безъ писемъ и нерѣшительно топчутся у входа въ канцелярію.

— Тебѣ что? — спрашиваетъ командиръ одного изъ нихъ. — Подойди сюда, ты зачѣмъ пришель?

— Къ ихъ благородію господину адъютанту.

— Ну, говори мнѣ, что тебѣ надо?

— Такъ что, ваше высокоблагородіе, желаю въ охотничью команду...

— Въ какую команду хочешь?

— Въ конную...

— А зачѣмъ тебѣ въ команду?

— Такъ что, ваше высокоблагородіе, желаю въ дѣйствіе попасть...

— Въ дѣйствіе попасть... Ишь какой шустрый... Можетъ-быть, и Георгія хочешь заслужить?

Ротъ солдата растягивается до ушей.

— Такъ точно... пламенно горю...

— Ну хорошо, адъютантъ запишите его...

Двое другихъ, оазывается, пришли съ тѣми же заявленіями и тоже «пламенно горятъ».

Во дворѣ приводятъ лошадей съ водопоя и ставятъ по стѣнкамъ двора, нѣкоторыхъ подь навѣсами. Несмотря на то, что эти лошади пьютъ такую же воду, бѣдятъ такую же чумизную солому, никогда не видятъ сѣна, а овса тѣмъ болѣе, потому что достать этого въ Маньчжуріи невозможно, словомъ содержатся одинаково съ лошадьми другихъ полковъ, но въ сравненіи съ тѣми поражаютъ своимъ исправнымъ видомъ: какъ на подборъ крупныя, сильныя, гладкія... Несомнѣнно, что и настроеніе у нихъ самое лучшее. Почему это такъ, а не иначе, объяснить довольно трудно, но очевидно, что иначе и быть не можетъ, потому что здѣсь ужъ такой порядокъ.

Во дворѣ въѣзжаетъ конный солдатъ и, увидѣвъ командира съ офицерами, быстро сваливается съ лошади и, хромя идеть къ стѣнкѣ, чтобы привязать коня.

Командиръ приказываетъ одному изъ вѣстовыхъ привести ново прибывшаго.

По номеру на погонахъ 72 и по бѣлому околышу солдатъ оказывается свой — тарусскаго полка.

— Ты откуда взялся? — спрашиваетъ командиръ.

— Изъ охотничьей команды, ваше высокоблагородіе.

— Ты что хромаешь? раненъ?

— Такъ точно, раненъ.

— Куда?

Солдатъ показываетъ на бедро. Рана сквозная.

— А еще есть раненые, изъ нашей команды?

— Такъ точно, восемь человѣкъ. Двое убитыхъ...

— А начальникъ команды — штабсъ-капитанъ Вороновъ?

— Ранены, двумя пулями...

Командиръ и всѣ офицеры заинтересовываются прибывшимъ солдатомъ. Дня за три передъ этимъ, на правомъ флангѣ у генерала Мищенки было дѣло. Объ этомъ дѣлѣ въ полку уже было извѣстно, знали также, что были раненые своего полка, которыхъ должны повезти въ Маймакаю, а оттуда въ санитарный поѣздъ, для слѣдованія на сѣверъ. Раненыхъ везли въ двуколкахъ, а одинъ изъ нихъ, именно этотъ, который теперь явился въ полкъ, могъ ѣхать на лошади и верхомъ доѣхать до Маймакаи. Свою лошадь онъ рассчитывалъ отправить обратно въ команду, но покуда онъ пробылъ въ лазаретѣ, двуколки успѣли уѣхать обратно. Его утѣшили, что его лошадь пока останется при какой-то части, а его отправятъ въ санитарный поѣздъ. Хотя нога его отъ верховой

ѣзды разболѣлась, но такое положеніе дѣла ему не понравилось.

Оставить лошадь въ чужихъ рукахъ онъ не хотѣлъ, да къ тому же и лежаніе въ лазаретѣ его не особенно прельщало. Между тѣмъ, ѣхать въ команду верстъ за шестьдесятъ на правый флангъ онъ былъ не въ силахъ. Осталось одно рѣшеніе: сѣсть верхомъ и ѣхать въ полкъ, который находился отъ Маймакаи въ шести верстахъ.

Объяснивъ такимъ образомъ, почему онъ очутился въ полку, солдатъ смотрѣлъ на командира съ виноватымъ видомъ.

— Ну, хорошо. Что о лошади позаботился, за это спасибо. Теперь тебя въ команду отправить нельзя, потому что ты раненъ. Сдай лошадь въ свою роту, а завтра я прикажу отправить тебя въ санитарный поѣздъ.

— Позвольте доложить вашему высокоблагородію... Такъ что и въ состояніи возможности... остаться въ строю...

— Не хочешь въ госпиталь... Ну, хорошо, оставайся. А теперь ступай къ врачамъ. Пускай тебя осмотри и сдѣлаютъ перевязку.

Командиръ даетъ ему горсть папиросъ.

— Покорнѣйше благодарю, ваше высокоблагородіе... Я такъ полагаю, что дня черезъ три, болѣе, я въ состояніи возможности опять въ команду.

— Ну, ты очень-то не торопись. Успѣешь еще. Доктора скажутъ, когда тебѣ можно ѣхать, тогда и поѣдешь... Можешь идти...

Солдатъ круто поворачивается, но раненая нога подвертывается, и онъ едва не падаетъ.

Командиръ приказываетъ вѣстовымъ его довести.

Вотъ по такимъ фактамъ и многимъ подобнымъ имъ можно судить о настроеніи въ войскѣ.

Откуда-то доносятся звуки полкового оркестра.

— Въ какомъ батальонѣ сегодня играютъ? — спрашиваетъ командиръ у адъютанта.

— Въ четвертомъ, господинъ полковникъ.

— Пускай завтра играютъ въ третьемъ. Да если люди не пойдутъ на работу, пускай музыканты приходятъ раньше.

Въ современныхъ бояхъ полковымъ оркестрамъ дѣлать нечего. Когда дѣли идуть въ атаку перебѣжками или полкомъ, то при такихъ условіяхъ вести съ собой музыкантовъ едва ли придетъ въ голову кому-либо изъ командировъ, тѣмъ болѣе, что атака ведется скрытно и въ тишинѣ, при чемъ даже штыки стараются не выставлять. Понятно, что блестяція трубы и звуки музыки могутъ только мѣшать.

Когда начинается бой, то оркестры обыкновенно отводятся въ обозъ 1-го разряда. Такъ что ученые, писавшіе о живительномъ воздѣйствіи музыки на сражающихся и настоятельно совѣтовавшіе вводить музыку во время боя, не были знакомы съ современной тактикой.

Остается пользоваться музыкой въ периоды затишій. Солдаты довольны, и въ дѣлѣ «настроения» оркестръ такимъ образомъ приноситъ свою долю пользы.

Было бы всевѣмъ хорошо, если бы это понимали командиры всѣхъ полковъ.

Музыка у насъ играетъ также за командирскимъ обѣдомъ. Каждый день къ столу приглашаются по очереди офицеры полка. Сегодня командиры батальоновъ, завтра капитаны, послѣ завтра доктора и т. д. Такимъ образомъ командиръ имѣетъ постоянное общеніе со своими офицерами, узнаетъ объ ихъ нуждахъ, взглядахъ и... даетъ тонъ настроенію.

Ни одно справедливое желаніе офицера не останется безъ удовлетворенія со стороны командира. Если офицеръ заслужилъ награду, то командиръ употребитъ все стараніе передъ высшимъ начальствомъ, чтобы его офицеръ былъ награжденъ по заслугамъ.

Весьма рѣдкое пониманіе принципа — что не подчиненные существуютъ для командира, а командиръ для подчиненныхъ.

Но эти отношенія ничуть не даютъ повода къ панібратству и фамильярности. Они регулируются строжайшей дисциплиной.

Добрѣйшій Михаилъ Ивановичъ Шишкинъ, командиръ полка, для офицеровъ полка не Михаилъ Ивановичъ, а господинъ полковникъ. Безъ разрѣшенія ни одинъ не сядетъ въ его присутствіи. Батальонные командиры, изъ которыхъ каждый, кстати сказать, старше его лѣтами называютъ его не иначе, какъ господинъ полковникъ.

Такой дисциплинарный тактъ на посторонняго зрителя производитъ очень хорошее впечатлѣніе. Мнѣ приходилось бывать въ частяхъ, гдѣ офицеры ищутъ случая перейти съ командиромъ на «ты» и этимъ гордятся. На меня такія отношенія въ военной средѣ производили всегда впечатлѣніе чего-то ненормальнаго и даже уродливаго.

И, наоборотъ, въ подчиненіи дисциплинѣ чувствуется рыцарскій тактъ и истинное военное джентльменство.

И опять-таки повторяю, что такія отношенія зависятъ отъ того, въ чьихъ рукахъ сосредоточена власть.

У каждаго командира двѣ руки, изъ которыхъ одна можетъ

Е. Н. Жулева († 29 июня 1905 г.).

По фот. авт. «Нивы».

быть благодѣтельной и заботливой для подчиненнаго, а другая властной—чтобы держать его на своемъ мѣстѣ.

Въ заключеніе скажу, что если состояние духа во всѣхъ полкахъ такое же, какъ и въ молодомъ тарусскомъ полку, то настроеніе въ арміи не оставляетъ желать ничего лучшаго.

В. Тауринъ.

Е. Н. Жулева. (Портр. на стр. 635).

Нашъ театральнй міръ понесъ тяжелую утрату: въ ночь на 29-ое іюня скончалась послѣ продолжительной болѣзни заслуженная артистка Императорскихъ театровъ, Екатерина Николаевна Жулева (Небольсина).

Къ Е. Н. Жулевой болѣе чѣмъ къ кому-либо, подходило званіе «заслуженной артистки». Болѣе чѣмъ 60 лѣтъ она трудилась на театральномъ поприщѣ, упорно совершенствуя и шлифуя свой крупный талантъ. Выступивъ на сцену почти дѣвочкой (14 лѣтъ), она сошла съ нея лишь въ преклонномъ возрастѣ—75 лѣтъ отъ роду. Играя передъ лицомъ нѣсколькихъ поколѣній, она послѣдовательно мѣняла свое амплуа: наши дѣды и отцы звали Е. Н. Жулеву въ водевильныхъ роляхъ, мы знаемъ и помнимъ ее, какъ превосходную *grande dame*, или какъ ее звали въ театральныхъ сферахъ—«генеральшу».

Покойная «генеральша» съ честью носила свое званіе на подмосткахъ нашей Императорской сцены. Созданныя ею роли Мурзавецкой («Волки и овцы»), Рыдловой («Джентльмэнъ») и Толбухиной («Плоды просвѣщенія») стоятъ донинѣ въ глазахъ у всѣхъ, кто хотя бы одинъ разъ видѣлъ покойную артистку въ упомянутыхъ пьесахъ. Уже одно ея появленіе въ первомъ актѣ «Волковъ и овецъ» наводило на зрителей какой-то благоговѣйный трепетъ: такъ величаво выступала г-жа Мурзавецкая предъ своими домашними въ своемъ черномъ монашескомъ одѣяніи, съ чернымъ посохомъ въ рукѣ! А сколько свѣжаго и яснаго юмора влигала Е. Н. Жулева въ изображеніе этой помѣщицы-ханжи, этого «волка» въ монашескомъ одѣяніи!

Первый дебютъ Е. Н. Жулевой состоялся въ Московскомъ Маломъ театрѣ въ пьесахъ «Женихъ на расхватъ» и «Дезертиръ». Исполненіе Е. Н. Жулевой понравилось тогдашнему всемогущему директору театровъ Геденову, и онъ перевелъ ее въ петербургское театральное училище, и позднѣе далъ ей дебютъ въ Александринскомъ театрѣ. Е. Н. Жулева дебютировала тамъ 16-го января 1846 года и имѣла успѣхъ. Играла она еще въ качествѣ воспитанницы и только черезъ годъ, т. е. въ 1847 году, была выпущена изъ школы и принята на дѣйствительную службу.

Первое время талантливая артистка выступала лишь въ водевильныхъ роляхъ, но позднѣе ей стали поручать и болѣе выдающіяся роли: играла она и Офелію, и Лизу въ «Горѣ отъ ума», и молоденькую дофину въ драмѣ «Замокъ Плесси-ле-Туръ» и пр. Множество ея тогдашнихъ ролей совершенно незнакомо для насъ, потому что большинство пьесъ, въ которыхъ играла тогда покойная артистка, давным-давно сошло съ репертуара.

Съ теченіемъ времени Е. Н. Жулева перешла на амплуа *grande dame* и благородныхъ старухъ. Этотъ позднѣйшій, наиболее блестящій періодъ ея художественной дѣятельности прошелъ уже предъ нашими глазами, и мы слишкомъ хорошо помнимъ созданія Е. Н. Жулевою роли этого амплуа, чтобы особо распространяться объ этомъ. Е. Н. Жулева переиграла почти во всѣхъ, болѣе или менѣе извѣстныхъ, пьесахъ современнаго репертуара; нѣкоторыя пьесы были даже специально написаны для нея.

Въ послѣдній разъ Е. Н. Жулева выступила въ 1904 году въ пьесѣ «Волки и овцы». Съ этого времени недугъ овладѣлъ ею уже настолько сильно, что ей пришлось отказаться отъ появленія на сценѣ.

Е. Н. Жулева пользовалась заслуженной любовью и уваженіемъ среди артистовъ, и ея кончина вызвала глубокую грусть въ театральномъ мірѣ. Въ ея лицѣ отошелъ въ вѣчность добрый и отзывчивый человѣкъ, тепло и сердечно относившійся и къ меньшему собрату, и къ равному по таланту и положенію товарищу.

Начало переговоровъ о мирѣ.

(Политическое обозрѣніе).

Первый дебютъ на дипломатическомъ поприщѣ нашего уполномоченнаго по веденію мирныхъ переговоровъ въ Вашингтонѣ оказался поистинѣ блестящимъ. Несомнѣнно, что въ лицѣ С. Ю. Витте, который никогда не занимался иностранной политикой, Россія послала государственнаго человѣка съ наибольшимъ дипломатическимъ дарованіемъ. Его обращеніе къ американскому народу поражаетъ своимъ тактомъ и тонко рассчитанною смѣлостью пріемовъ. Онъ заставилъ говорить о себѣ всю Америку и сразу завоевалъ вниманіе и сочувствіе массъ. Американская печать заполнена портретами Витте и всевозможными расказами о немъ, нерѣдко совершенно фантастическаго свойства. Подобнаго рода пріемы, употребленные имъ для завоеванія симпатій, просто не пришли бы на умъ профессиональному дипломату, заставшему въ раскомъ подчиненіи мертвымъ традиціямъ. Умнѣе во-время сказать черезъ посредство печати то, что по соображеніямъ ми-

цуты слѣдуетъ довести до всеобщаго свѣдѣнія, практически утилизировать въ своихъ видахъ огромную силу печати—крайне необходимо для современнаго дипломата. Недаромъ говорятъ, что печать—шестая великая держава. Свою миссію С. Ю. Витте началъ съ установленія дружескихъ отношеній именно съ нею и этимъ бесспорно сумѣлъ затмить своихъ японскихъ конкурентовъ. Разумѣется, его блестящій успѣхъ у американцевъ еще не завершается дѣла, но во всякомъ случаѣ является прекраснымъ началомъ. Въ благопріятномъ исходѣ мирныхъ переговоровъ кровно заинтересованы и Америка, и американскіе капиталы, ушедшіе на японскіе займы, и, наконецъ, лично самъ президентъ Рузвельтъ, выступившій на международной аренѣ въ видѣ посредника-мировотворца. Весьма правдоподобно, что его мирная миссія не свободна отъ корыстныхъ расчетовъ воспользоваться временною разслабленностью Россіи для закрѣпленія и торжества американскихъ интересовъ въ Тихомъ океанѣ, но осуществленіе этихъ расчетовъ въ концѣ концовъ зависитъ отъ добраго согласія Россіи, дипломаты которой не могутъ забыть интересъ своей страны. Хотя въ конституціонныхъ странахъ править не народъ, а крупная буржуазія, тѣмъ не менѣе все же ихъ правителямъ приходится волей-неволей считаться и съ общественнымъ мнѣніемъ. Тонко-дипломатическими заявленіями о традиціонныхъ симпатіяхъ русскаго народа къ его заатлантическимъ друзьямъ и выраженіями преклоненія предъ личностью президента великой республики С. Ю. Витте удалось привлечь на свою сторону американское общественное мнѣніе, т. е. того верховнаго господина, отъ котораго отчасти зависитъ и судьба самого Рузвельта. Слова, сказанныя нашимъ уполномоченнымъ репортерамъ о неизвѣданныхъ внутреннихъ силъ Россіи, о непріемлемости сколько-нибудь унижительныхъ условій мира, должны оказать и на американцевъ и на японцевъ отрезвляющее вліяніе, тѣмъ болѣе, что они получили авторитетное подтвержденіе изъ устъ самого Государя, отъѣздившаго на мольбы духовенства и тридцати восьми тысячъ прихожанъ Оренбургскаго уѣзда о недопущеніи позорнаго мира, обѣщаніемъ, способнымъ успокоить всякія тревоги и опасенія на этотъ счетъ.

Сколько-нибудь здравое и трезвое отношеніе къ дѣйствительности совершенно исключаетъ самую мысль о какихъ бы то ни было позорныхъ условіяхъ мирнаго договора. Россіи нѣтъ никакого основанія считать себя побѣжденною и просить пощады у враговъ. Погибъ русскій флотъ, потерѣла тяжелыя неудачи русская армія, но Россія отнюдь еще не побѣждена, такъ какъ граница ея охраняется новой, лучше организованной, болѣе многочисленной и талантливѣе управляемой арміей, одно присутствіе которой не позволяетъ японцамъ въ теченіе вотъ уже 6-ти мѣсяцевъ послѣ Мукдена двинуться ни на одинъ шагъ впередъ. По авторитетному подсчету полковника Гедке, въ настоящее время русская армія по своей силѣ и численности во всякомъ случаѣ не уступаетъ японской и даже, можетъ-быть, превосходить ее. Перемены, произошедшія въ высшемъ составѣ командованія и управленія военными силами Россіи съ назначеніемъ на постъ военнаго министра и начальника Генеральнаго Штаба генераловъ Редигера и Палицына, даютъ основаніе предполагать, что прежній режимъ, за который мы заплатились столькими неудачами, уже миновалъ. Россія восприняла и почувствовала себя способной къ дальнѣйшей самозащитѣ. Побѣждена только та страна, которая признаетъ себя побѣжденной, но если она готова къ продолженію борьбы и располагаетъ всѣми средствами къ тому, чтобы завершить ее побѣдой, тогда смѣшно говорить о необходимости склонять голову предъ случайными вчерашними побѣдителями. Наиболее опаснымъ симптомомъ въ этомъ отношеніи можетъ считаться только развѣ агитация нѣкоторыхъ передовыхъ органовъ печати вкупѣ съ «Гражданиномъ» о необходимости мира какою бы то ни было цѣной. Но эти органы ни въ какомъ случаѣ не могутъ считаться въ данномъ случаѣ выразителями чувствъ и мнѣній всей Россіи, да и сами они въ послѣдніе дни, въ лицѣ хотя-бы того же «Сына Отечества», открыто высказываются противъ мира во что бы то ни стало, отдавая дань общему отрезвленію патриотической мысли. Самая готовность Россіи приступить къ мирнымъ переговорамъ объясняется только ея миролюбивыми традиціями и нежеланіемъ проливать свою и чужую кровь изъ-за эфемерныхъ интересовъ господства на Дальнемъ Востокѣ. Но если японцы и американцы, подъ предлогомъ гуманнаго миролюбія, сдѣлаютъ попытку учестъ дипломатическимъ путемъ всѣ понесенныя нами въ первый годъ войны неудачи и посягнуть на достоинство и территорію Россіи—этимъ самымъ они вынудятъ насъ къ продолженію войны, болѣе того: сдѣлаютъ войну изъ официальной и государственной глубоко патриотичной и народной. Общество очень несочувственно относилось къ манчжурской и корейской авантюрамъ, но, когда возникнетъ необходимость защищать территорію государства, тогда всѣ русскіе люди безъ различія знаменъ и направленій объединятся въ одномъ патриотическомъ порывѣ. Вотъ почему вашингтонскіе переговоры могутъ дать только миръ, основанный на справедливомъ разграниченіи интересовъ, въ случаѣ же предъявленія японцами несуразныхъ требованій на счетъ отдачи имъ Сахалина, который мы всегда можемъ отвоевать обратно въ зимнюю кампанію, пользуясь сообщеніемъ по льду, или Владивостока,—неудача переговоровъ будетъ обозначать начало народной войны за цѣлость и неприкосновенность Россіи.

Высочайшій Манифестъ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ,

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ и САМОДЕРЖЕЦЪ

ВСЕРОССИЙСКІЙ,

ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯДСКІЙ,

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ Нашимъ вѣрнымъ подданнымъ:

Государство Россійское созидалось и крѣпло неразрывнымъ единеніемъ Царя съ народомъ и народа съ Царемъ. Согласіе и единеніе Царя и народа—великая нравственная сила, созидавшая Россію въ теченіе вѣковъ, отстоявшая ее отъ всякихъ бѣдъ и напастей, и является донинѣ залогомъ ея единства, независимости и цѣлости, матеріальнаго благосостоянія и развитія духовнаго въ настоящемъ и будущемъ.

Въ Манифестѣ Нашемъ, данномъ 26 февраля 1903 года, призывали Мы къ тѣсному единенію всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Отечества для усовершенствованія государственнаго порядка установленіемъ прочнаго строя въ мѣстной жизни. И тогда озабочивала Насъ мысль о согласованіи выборныхъ общественныхъ учреждений съ правительственными властями и объ искорененіи разлада между ними, столь пагубно отражающагося на правильномъ теченіи государственной жизни. О семъ не переставали мыслить Самодержавные Цари, Наши Предшественники.

Нынѣ настало время, слѣдуя благимъ начинаніямъ Ихъ, призвать выборныхъ людей отъ всей земли Русской къ постоянному и дѣятельному участию въ составленіи законовъ, включивъ для сего въ составъ высшихъ государственныхъ учреждений особое законосовѣтательное установленіе, коему предоставляется предварительная разработка и обсужденіе законодательныхъ предположеній и разсмотрѣніе росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ.

Въ сихъ видахъ, сохраняя неприкосновеннымъ основной законъ Россійской Имперіи о существѣ Самодержавной Власти, признали Мы за благо учредить Государственную Думу и утвердили Положеніе о выборахъ въ Думу, распространивъ силу сихъ законовъ на все пространство Имперіи, съ тѣми лишь измѣненіями, кои будутъ признаны нужными для нѣкоторыхъ, находящихся въ особыхъ условіяхъ, ея окраинъ.

О порядкѣ участія въ Государственной Думѣ выборныхъ отъ Великаго Княжества Финляндскаго по вопросамъ общимъ для Имперіи и сего края узаконеній будетъ Нами указано особо.

Вмѣстѣ съ симъ повелѣли Мы министру внутреннихъ дѣлъ безотлагательно представить Намъ къ утвержденію правила о приведеніи въ дѣйствіе Положенія о выборахъ въ Государственную Думу, съ такимъ расчетомъ, чтобы члены отъ 50 губерній и области Войска Донскаго могли явиться въ Думу не поздиѣ половины января 1906 года.

Мы сохраняемъ всецѣло за Собою заботу о дальнѣйшемъ усовершенствованіи Учрежденія Государственной Думы, и когда жизнь сама укажетъ необходимость тѣхъ измѣненій въ ея учрежденіи, кои удовлетворяли бы вполнѣ потребностямъ времени и благу государственному, не преминемъ дать по сему предмету соотвѣтственныя въ свое время указанія.

Питаемъ увѣренность, что избранные довѣремъ всего населенія люди, призываемые нынѣ къ совмѣстной законодательной работѣ съ Правительствомъ, покажутъ себя предъ всей Россіей достойными того Царскаго довѣрія, коимъ они призваны къ сему великому дѣлу, и въ полномъ согласіи съ прочими государственными установленіями и съ властями, отъ Насъ поставленными, окажутъ Намъ полезное и ревностное содѣйствіе въ трудахъ нашихъ на благо общей Нашей Матери, Россіи, къ утвержденію единства, безопасности и величія Государства и народнаго порядка и благоденствія.

Призывая благословеніе Господне на труды учреждаемаго Нами государственнаго установленія, Мы съ непоколебимою вѣрою въ милость Божію и въ непреложность великихъ историческихъ судебъ, предопредѣленныхъ Божественнымъ Промысломъ дорогому Нашему Отечеству, твердо уповаемъ, что съ помощью Всемогущаго Бога и единокруными усилиями всѣхъ своихъ сыновъ Россія выйдетъ съ торжествомъ изъ постигшихъ ее нынѣ тяжкихъ испытаній и возродится въ запечатлѣнныхъ тысячелѣтнею ея исторіей могуществомъ, величіи и славѣ.

Данъ въ Петергофѣ, въ 6-й день августа, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча девятьсотъ пятое, Царствованія же Нашего въ одиннадцатое.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„НИКОЛАЙ“.

Послѣ побоища Игоря Святославича съ половцами. (Рис. на стр. 625)

Кому изъ читателей не извѣстно «Слово о полку Игоревѣ», увѣковѣчившее съ такою поэзіей и трогательностью несчастный походъ князя Игоря Святославича на половцев? Картина нашего знаменитаго художника, В. М. Васнецова, воспроизведенная въ настоящемъ № «Нивы», иллюстрируетъ трагическую сцену гибели игорева войска послѣ сраженія съ половцами на берегахъ рѣки Каяла.

Игорь Святославичъ, князь Сѣверскій (1151—1202 г.), происходилъ изъ рода князей Черниговскихъ и приходился сыномъ князю Святославу Олеговичу.

Князь Игорь прославился своими походами на половцев. Такъ, еще въ 1171 году онъ ходилъ со своими сѣверскими дружинами къ половцамъ и одержалъ знаменитую побѣду надъ половецкими ханами, Кобякомъ и Кончакомъ. Ободренный этимъ успѣхомъ, князь Игорь Святославичъ въ 1184 году соединился съ князьями Всеволодомъ Курско-Грубчевскимъ и Святославомъ Олеговичемъ—своимъ племянникомъ, и предпринялъ новый походъ въ половецкую землю. Но этотъ походъ окончился уже трагически.

Игорь былъ окруженъ на берегу Каяла половцами, и потерпѣлъ полное пораженіе. Русскія дружины легли на полѣ битвы, а князья съ остатками дружинъ попали въ плѣнъ. Позднѣ Игорь бѣжалъ изъ

Принцесса Рейсъ, сестра милосердія въ германскомъ лазаретѣ.

ходили изъ усть въ уста, и давно уже успѣли завоевать широкую популярность. Эти сценки—положительно маленькіе шедевры, блестящіе чисторусскимъ языкомъ, и при всей своей сжатости и краткости, полная удивительнаго

Врачебный персоналъ лазарета въ столовой.

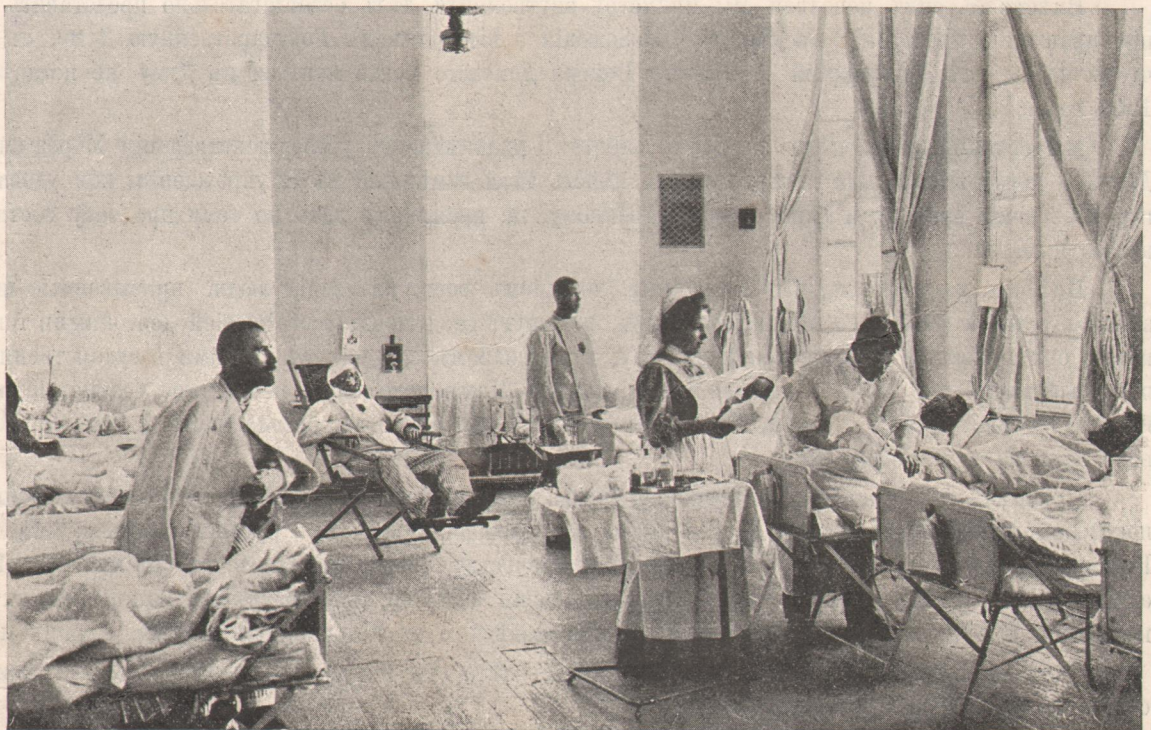
плѣна, оставивъ половцамъ своего сына Владиміра.

Эта трагическая страница русской исторіи, какъ извѣстно послужила темою для прекрасной оперы Бородина «Князь Игорь». Столь же талантливо использовала эту тему и художникъ В. М. Васнецовъ.

Сцена Горбунова „На почтовой станціи“.

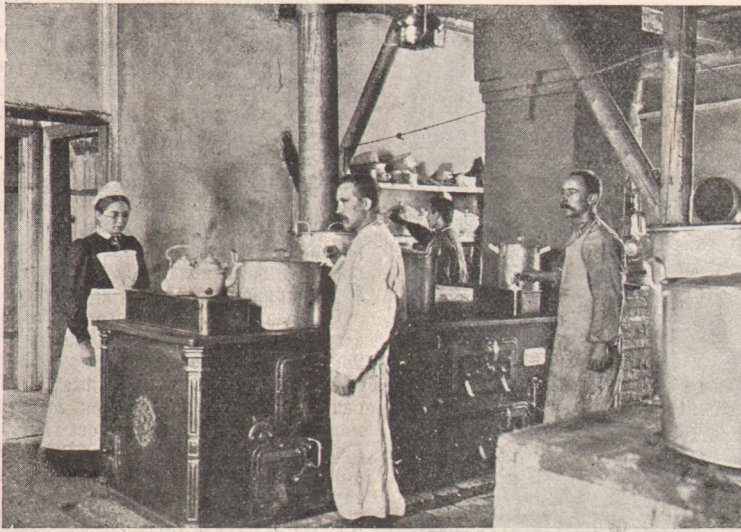
(Рис. на стр. 628).

Талантливыя «сцены» покойнаго И. Ф. Горбунова задолго до своего появленія въ печати пере-

Палата для нижнихъ чиновъ.

Германскій лазаретъ Краснаго Креста въ Харбинѣ. По фот. Булла, авт. «Нивы».

Кухня.

юмора, содержательности и знания народной жизни.

Нужно ли излагать содержание знаменитой, обошедшей всё эстрады сценки „На почтовой станции“, оканчивающейся величольным, истинно-классическим восклицанием: «Кажинный раз на этомъ мѣстѣ?»: Рисунокъ художника Клементьева изображаетъ моментъ именно этого трагическаго финальнаго восклицанія...

— Держи!

— Господи, ужли-жъ въ пятнадцать-то годовъ дороги не знаю...

(Гарантасъ падаетъ).

— Что-жъ, ты, чортъ тебѣ возьми?

— Поди-жъ ты!.. Кажинный разъ на этомъ мѣстѣ!

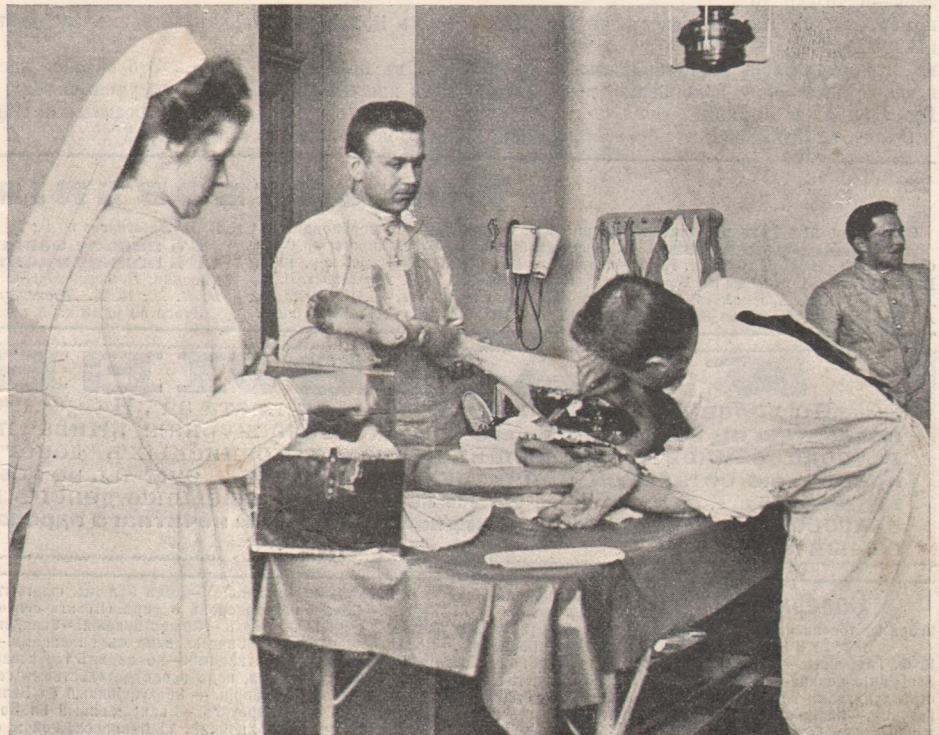

Ванная.

СМѢСЬ.

Помогите нуждающимся.—Редакціей получено 1 августа с.г. отъ Епифанскаго уѣзднаго предводителя дворянства князя Голицына слѣдующее письмо:

«Позвольте черезъ посредство вашего уважаемаго журнала обратить вниманіе вашихъ читателей на крайнюю нужду, которую терпитъ уже и въ настоящее время населеніе Епифанскаго уѣзда, Тульской губ., по случаю постигшаго уѣздъ полнаго неурожая какъ озимыхъ, такъ и яровыхъ хлѣбовъ. Уборка ржи съ полей кончилась въ 3—4 дня; съ десятины собрано 2—3 копы въ среднемъ, а во многихъ мѣстностяхъ уѣзда въ поле и вовсе не выходили, а рожь или косили на траву, или стравили скотомъ. Въ продовольствіи населеніе для себя и для скотины будетъ нуждаться дѣлѣй годъ до урожая 1906 года. Овса въ продажу почти не будетъ, не будетъ и соломы въ толку и въ кормъ скоту. На помощь отъ казны рассчитывать трудно, да и недостаточенъ опредѣляемый закономъ вышій паекъ въ 1 пудъ въ мѣсяцъ на ѣдока; на помощь отъ земства тоже мало надежды, ибо главныя продовольственныя обязанности отъ него отняты и оставлена ему лишь коммерческая сторона дѣла,—а именно: продажа муки, сѣна и дровъ по заготовительнымъ цѣнамъ и общественныя работы. Въ прежніе голодные годы у насъ успѣшно дѣйствовали Красный Крестъ, но о немъ теперь, конечно, нечего и говорить, а между тѣмъ, какъ много помогали онъ, устраивая столовыя, больнички для тифозныхъ, пекарни съ даровой раздачей хлѣба, склады дровъ съ дешевой ихъ продажей и т. д.

Операціонная.

Все это настоятельно необходимо устроить и теперь, но благотворительныхъ средствъ на мѣстахъ нѣтъ, и вотъ почему приходится уповать на частную помощь извнѣ и всячески взывать къ добрымъ людямъ. Если вашъ уважаемый журналъ взялся бы напечатать настоящее воззваніе и если бы, благодаря ему, собралось хоть нѣсколько сотъ рублей, то и съ ними можно было бы приступить къ организаціи благотворительной помощи пострадавшему отъ неурожая населенію уѣзда. Деньги, какія будутъ жертвоваться, прошу присылать на мое имя въ городъ Епифань, Тульской губерніи, туда же прошу обращаться и съ заявленіями, если кому угодно будетъ прѣхать въ уѣздъ помогать личнымъ трудомъ въ предстоящей работѣ; нужно надѣяться, что въ настоящее время частной благотворительности на мѣстахъ не будетъ ставиться формальныхъ препятствій; объ устраниеніи ихъ ходатайствовало недавно Епифанское земство».

Работа карманныхъ часовъ.—Система карманныхъ часовъ, по быстротѣ вращенія и неутомимости движенія, представляетъ собою истинное чудо искусства и техники. Эта система дѣлаетъ въ минуту 375 оборотовъ, въ часъ 450.000, въ годъ—197.100.000. Чтобы наглядно представить себѣ ту колоссальную работу, которую производитъ миниатюрный на видъ механизмъ, представимъ себѣ, что локомотивъ сдѣлалъ своими колесами то же число оборотовъ, двигаясь по воображаемому рельсовому пути, проложенному вокругъ земнаго шара; локомотивъ въ этомъ случаѣ совершилъ бы двадцать восемь кругосвѣтныхъ путешествій подъ рядъ!

Какую страшную массу топлива потребуетъ при этомъ локомотивъ, какое огромное количество воды поглотитъ его паровой котелъ, сколько человѣческихъ силъ будетъ потрачено для регулированія движенія! Маленькіе же карманные часы исполняютъ эту работу тихо, скромно, безъ затратъ, требуя лишь одного:—чтобы не забывали ежедневно заводить ихъ, чтобы разъ въ сутки дали силу напряженія ей скромному двигателю—стальной пружинѣ.

Первый броненосецъ въ Европѣ.— Существуетъ мнѣніе, что броненосцы—изобрѣтеніе самаго

поздняго времени. Но на самомъ дѣлѣ, какъ оказывается, въ Европѣ уже существовалъ болѣе, чѣмъ 300 лѣтъ тому назадъ, самый настоящій броненосецъ. Правда, двигался онъ не паромъ, а парусами, и виѣшность его мало напоминала нынѣшніе броненосцы, но

сущность его была та же: онъ былъ закованъ въ металлическую броню и съ успѣхомъ отражалъ ея удары тогдашнихъ пушекъ.

Это была галера «Санта-Анна», входившая въ составъ большой эскадры, которая была отправлена въ 1530 году императоромъ Карломъ V противъ Туниса. Эскадру предводительствовалъ знаменитый Андреасъ Доріа, и подъ его предводительствомъ Тунисъ былъ осажденъ и въ скоромъ времени взятъ. Главную роль въ этомъ удачномъ дѣлѣ сыграла галера «Санта-Анна».

Она была покрыта сплошнымъ свинцовымъ панциремъ (до броневой стали тогда еще не дошли!), имѣла нѣсколько бронированныхъ мостиковъ, много орудій и 400 человекъ экипажа. И, какъ свидѣтельствуется о томъ историкъ-лѣтописецъ Бозіо, «Санта-Анна», благодаря своему свинцовому панцирю, вышла совершенно невредимой изъ всѣхъ сраженій. Хороши, должно-быть, прибавимъ отъ себя, были и пушки тогда, если не могли пробить свинцовый панцирь.

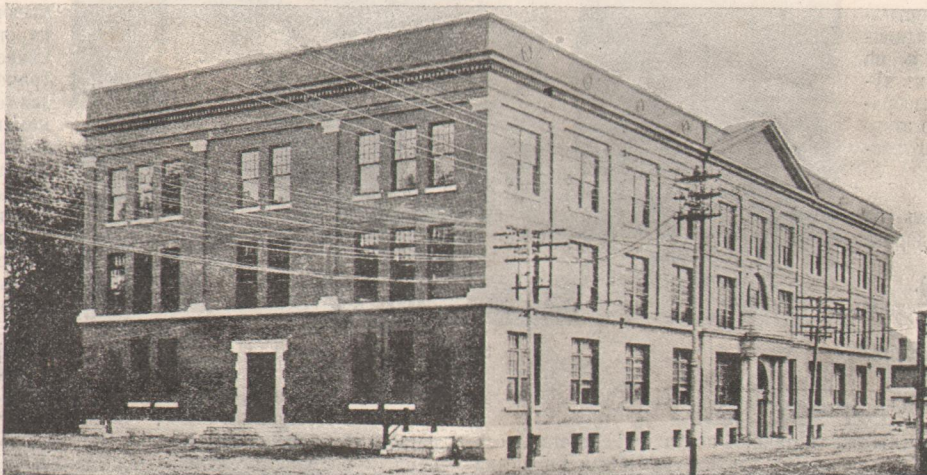
Куда дѣвается золото?—Куда дѣвается, въ концѣ концовъ, золото? Мы подразумеваемъ то золото, которое находится въ обращеніи среди людей—въ видѣ монетъ, украшеній и пр. Достоверно извѣстно изъ исторіи, что у нѣкоторыхъ древнихъ царей, напримѣръ, у Дарія, были собраны несмѣтные количества золота. Въ Римѣ, во времена цезарей, скопилось столько золотыхъ денегъ, сколько не бывало потомъ въ обращеніи во всемъ свѣтѣ.

Куда исчезли эти сокровища? До насъ не дошло ни одной монеты временъ Александра Македонскаго, или Цезаря—и только то и перешло, спусти вѣка, въ наши руки, что сохранялось въ гробницахъ, въ пирамидахъ, въ подземныхъ кладкахъ, или было похоронено подъ лавою, какъ напримѣръ, въ Геркуланумѣ и Помпѣй.

Золото, находившееся въ обращеніи у древнихъ народовъ, теперь уже

Вилла въ Ойстеръ-Бэй („Устричная Бухта“), въ которой президентъ Рузвельтъ принялъ главноуполномоченныхъ С. Ю. Витте и барона Кокура.

Арсеналь въ Портсмутѣ (штатъ Нью-Гемпширъ), въ которомъ засѣдаетъ мирная конференція.

не существуетъ болѣе. Золото—хотя оно и металлъ, настолько все-таки мягко и подвержено тренію, что въ концѣ концовъ стирается и исчезаетъ (по крайней мѣрѣ, для невооруженнаго глаза), обращаясь въ тончайшую пыль. Монеты, украшения, утварь—все это мало-по-малу обращается въ небытіе, постепенно, хотя и незаметно, теряя въ вѣсѣ и въ обѣмѣ. Такимъ-то образомъ и исчезли тѣ монеты и то золото, которое нѣкогда заставляло царей древности предпринимать походы, а отдѣльныхъ людей убивать и грабить другъ друга.

Обращаясь въ пыль, золото путешествуетъ по лицу всей земли и въ концѣ концовъ попадаетъ въ море. И, вотъ, тамъ-то, въ необъятныхъ морскихъ пучинахъ и покоится на днѣ моря «золото древности». И если когда-нибудь моря исчезнутъ, и дно океана обнажится, наши потомки найдутъ тамъ богатѣйшія россыпи золота.

Статистика поцѣлуевъ.—Нѣкій адвокатъ, недавно скончавшійся въ Лондонѣ, оставилъ послѣ себя на память потомству любопытную статистику: онъ тщательнымъ образомъ «собралъ» всѣ поцѣлуи, которыми обмѣнялся со своею супругою на протяженіи двадцати лѣтъ. Результаты этого подсчета оказались очень поучительными.

Въ первый годъ супружества число поцѣлуевъ было колоссально. Оно достигло 36,000 (по 100 поцѣлуевъ въ день!). На второй годъ супруги цѣловались уже гораздо рѣже, и число поцѣлуевъ убавилось на половину (18,000). На третій годъ едва набиралось по 10 поцѣлуевъ въ день, а черезъ пять лѣтъ существовало уже только два официальныхъ суточныхъ поцѣлуя: «съ добрымъ утромъ» и «покойной ночи»... Это скудное число держалось до 15-го года супружества, а потомъ уменьшилось и свелось къ одиночнымъ поцѣлуямъ, изрѣдка проскальзывающимъ то сегодня, то завтра на тускломъ фонѣ будничной жизни.

Пожертвованія.

Съ 1-го по 31-е июля включительно прислали въ редакцію пожертвованія: **Въ пользу раненыхъ:** С. А. Докучаевъ 5 р.; сторожа и матери 4 р. 05 к.; Ф. Д. Кузнецовъ 3 р. 70 к.; П. К. Фрунзовъ 2 р. 40 к.; И. П. Горюковъ 2 р. 10 к.; К. П. Шешинъ 1 р. 60 к.; по 1 р. 20 к.: Н. Г. Закутимова, В. Я. Брюханова, Н. А. Хабовскій; В. Я. Евдокимовъ 1 р. 08 к.; по 1 р.: М. Л. Фроловъ, П. И. Бялковъ, Н. П. М.; Ф. С. Вишневъ 86 к.; по 80 к.: И. А. Панкратовъ, К. Г. Бибикинъ;

В. В. Лабенковъ 60 к.; Н. М. Рождественскій 47 к.; А. В. Смысловъ 35 к. **Въ пользу защитниковъ Портъ-Артура:** А. С. Рязановъ 1 р. **Въ пользу вдовъ и сиротъ:** Е. А. Ивановъ 10 р.; А. С. Черешневъ 9 р.; двочки: Невлова, Юрсева и Лобкова 5 р.; по 1 р.: П. И. Бялковъ, А. С. Рязановъ, Н. П. М.; М. М. Шимаревъ 72 к. **Итого 59 р. 13 к., а съ прежде поступившими 19,394 р. 63 к.**

ЗАЯВЛЕНІЕ.

По условіямъ разорочки, подписная плата за „Ниву“ 1905 года должна быть внесена **полностью къ 1-му августа сего года.** Контора журнала „Нива“ покорнѣйше проситъ поэтому гг. подписчиковъ, не внесшихъ сполна подписныхъ денегъ, **озаботиться немедленно присылкою остальной причитающейся съ нихъ суммы, во избѣжаніе остановки въ высылкѣ журнала съ 1-го сентября съ № 36-го.** При высылкѣ денегъ гг. иногородные подписчики благоволятъ обозначать на видномъ мѣстѣ № печатнаго адреса съ бандероли, или прилагать самый адресъ.

Содержаніе.

Т Е К С Т Ъ: Волченочъ. Повѣсть П. П. Грѣдича (Окончаніе).—Подъ бѣлымъ флагомъ. Стихъ Г. Аркатова.—На войнѣ. (Отъ нашего спеціальнаго корреспондента).—Е. Н. Жулева.—Начало переговоровъ о мирѣ (Политическое обозрѣніе).—Высочайшій манифестъ.—Послѣ побѣдъ Игоря Святославича съ половцами.—Сцена Горбунова „На почтовой станціи“.—Смѣсь.—Пожертвованія.—Заявленіе.—Объявленія.
Р И С У Н К И: Подъ бѣлымъ флагомъ.—Похороны.—Послѣ побѣдъ Игоря Святославича съ половцами.—Литературный альбомъ. „На почтовой станціи“. Сцена И. Ф. Горбунова.—Охрана колодезь на позиціи во избѣжаніе отравленія воды китайцами.—Командиръ тарусскаго полка съ георгиевскими кавалерами 1-го батальона.—Засѣданіе военно-судебной комиссіи съ участіемъ китайскихъ представителей, подъ предсѣдательствомъ генераль-майора Н. А. Василевскаго, по дѣлу объ убійствѣ хунхузами подполковника Богданова.—Будущій гражданскій китайскій имперіи.—Эвакуаціонный Ея Величества Императрицы Маріи Теодоровны лазаретъ въ Гатчинѣ.—Маринскій пріютъ для ампутированныхъ и увѣчныхъ воиновъ въ Петербургѣ.—Эвакуаціонный Ея Величества Государыни Императрицы Маріи Теодоровны лазаретъ въ Гатчинѣ.—Е. Н. Жулева.—Германскій лазаретъ Краснаго Креста въ Харбинѣ. 1) Принцесса Рейсъ, сестра милосердія въ германскомъ лазаретѣ. 2) Врачебный персоналъ лазарета въ столовой. 3) Палата для нижнихъ чиновъ. 4) Кухня. 5) Ванная. 6) Операционная.—Вилла въ Ойстеръ-Бэй („Устричная Бухта“), въ которой президентъ Рузвельтъ принялъ главноуполномоченныхъ С. Ю. Витте и барона Кокура.—Арсеналь въ Портсмутѣ (штатъ Нью-Гемпширъ), въ которомъ засѣдаетъ мирная конференція.

Нѣ этому № прилагается: „Полное собраніе сочиненій А. К. Шеллера-Михайлова“ книга 38.

Редакторъ-издат. **А. Ф. Марксъ.**

Редакторъ **В. И. Светловъ.**